

ОБОРОТНИ
В АРМЕЙСКИХ
ПОГОНАХ

*Поверить в это было
невозможно,
немыслимо. Для него,
потерявшего столько
друзей в один день,
измена генерала была
самым тяжким
моральным ударом.*

Чингиз Абдуллаев

День
Луны

Тенгиз Абуладзе

Чингиз Абдуллаев

День Луны

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

День Луны / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 1996 — (Тенгиз Абуладзе)

День Луны – это день противостояния спецслужб и террористов, среди которых есть «оборотень» из Министерства обороны. Группа бандитов захватывает смертоносный груз и угрожает взорвать его, если не будут удовлетворены их требования. Но компромисс с террористами не гарантирует спасения жизни людей. Руководство страны в панике. И тогда за дело берутся профессионалы.

Содержание

Часть 1	5
Москва. 05 часов 39 минут	5
Москва. 6 часов 02 минуты	7
Москва. 6 часов 06 минут	9
Москва. 6 часов 18 минут	13
Москва. 7 часов 04 минуты	18
Москва. 8 часов 43 минуты	22
Москва. 9 часов 05 минут	26
Москва. 9 часов 41 минута	31
Москва. 10 часов 12 минут	36
Москва. 10 часов 29 минут	40
Москва. 10 часов 34 минуты	43
Москва. 10 часов 45 минут	45
Москва. 11 часов 02 минуты	49
Москва. 11 часов 04 минуты	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чингиз Абдуллаев

День Луны

Путь же беззаконных – как тьма; они не знают, обо что споткнутся.

Притчи. 4:19

Лунатизм – болезненное состояние, выражающееся в бессознательных, внешне упорядоченных, подчас нелепых или опасных действиях, совершаемых во сне, которые не запоминаются.

Часть 1

ДЕНЬ ЛУНЫ. УТРО

Москва. 05 часов 39 минут

Автомобиль плавно въехал во двор. Там уже находилось несколько машин, и стоявшие около них люди нетерпеливо поглядывали на часы.

– Проклятые ублюдки, – гневно сказал один из стоявших, высокий мужчина, державший в руках автомат.

– Мы задержались, – виновато сказал один из приехавших, – на переезде у светофора.

– Нужно было выехать раньше, – сказал другой, уже стоявший у своей машины. У него было странное неподвижное лицо, и приехавшие боялись даже смотреть в его сторону. Трое вышедших из прибывшего последним автомобиля молча, с затаенным страхом ждали его решения. Наступила тишина. Столпившиеся во дворе люди также ждали решения этого человека. Он резко махнул рукой. – Форму взять не забыли?

– Нет.

– Ладно, поехали, потом разберемся и с вами, и с Лосем.

Приехавшие облегченно вздохнули, заулыбались, рассаживаясь по своим автомобилям.

Перед тем как сесть в свою старенькую помятую «шестерку», руководитель этой группы обратился к остающимся на даче двоим молодым людям:

– Константин, постарайся подъехать вовремя – там все рассчитано по секундам. И самое главное – вовремя нажать на кнопку. Рассчитай все так, чтобы это было сделано с максимальным эффектом. Ты меня понимаешь? С максимальным эффектом.

– Конечно. Я все понимаю. Но как быть с группой Карима? Они ведь все видели меня в лицо. И знают нашу дачу.

– Ничего, – сказал его странный собеседник, не меняясь в лице, – они ничего никому не расскажут. Если все закончится нормально, они сюда уже не вернутся.

В его словах было нечто такое, что заставило Константина не задавать больше вопросов. Он понял, что все давно решено. Поэтому он только кивнул на прощание.

Усевшись в свой автомобиль, он взглянул на лежавший на соседнем сиденье пульт управления и невольно поежился, представив момент, когда ему придется нажимать на эту кнопку.

Первые два автомобиля выехали вместе. Это были «Жигули» шестой модели и «Мицубиси–Галант». Остальные автомобили, в том числе и два микроавтобуса, поехали в другую сторону. Если бы кто-нибудь мог заглянуть в этот момент внутрь машин, то, возможно, очень бы удивился. Гранатометы, пулеметы, автоматы были свалены прямо на пол, а сидевшие в них

люди меньше всего были похожи на собирающихся в этот воскресный день на пикник обычных дачников. Каждый из них знал, что именно им предстоит через час, но никто не хотел думать о худшем. Многие даже не подозревали, что это будет последний час их жизни.

Москва. 6 часов 02 минуты

Они спускались все вместе. Впереди шел подполковник Ваганов. Даже он, много раз ходивший по этому тяжкому пути, испытывал некоторое волнение, понимая, как опасно вообще появляться в этом бетонном бункере. За ним шли еще двое офицеров. Все они, включая подполковника, были сотрудниками семнадцатого управления. Как и полагалось, сопровождающие шли, чуть отставая, словно уступая сомнительную честь быть первым в этом коридоре подполковнику.

Оба офицера были почти ровесниками, им было по тридцать пять лет. Майор Сизов и капитан Буркалов. Здесь не бывало пожилых офицеров, отбывающих «свой номер» перед уходом на пенсию. Такие просто не смогли бы выдержать той чудовищной психологической нагрузки, которой подвергался каждый из офицеров, входивших в это бетонное хранилище.

Они находились глубоко под землей. Сюда не долетали посторонние звуки, не было никаких посторонних шумов. Только гулкие шаги трех офицеров раздавались в пустынных коридорах этого невообразимого подземного царства. Построенное на большой глубине в толще земли, хранилище было сделано с таким расчетом, что могло выдержать прямое попадание атомной бомбы. Или стихийное бедствие почти катастрофического характера, которого никогда не бывало в этом отдаленном районе Москвы.

Но даже атомная бомба, даже землетрясение или другой катаклизм, вызванный силами природы, которые могли тут случиться, не были столь ужасны и опасны по последствиям, чем те, что могли произойти в случае разрушения этого хранилища. Здесь была собрана так называемая «коллекция» бактериологического оружия бывшей огромной империи. Здесь хранились образцы тысяч и миллионов смертоносных вирусов, о многих из которых человечество давно забыло. И которые могли в случае обретения свободы принести человечеству неисчислимые страдания, словно сотворив сам образчик человеческого ада на Земле.

Собранные в те недавние годы, когда человечество было разделено на враждующие стороны и каждая из сторон стремилась к обладанию абсолютным оружием, они были последним шансом каждой из сторон, последним резервом, который можно было применить в случае поражения. Этот резерв имел не просто невероятный разрушительный потенциал. Вырвавшись наружу, как джинн из бутылки, он мог уничтожить человечество, не разбирая национальных границ, идеологических и конфессиональных различий, цвета кожи. Это было оружие абсолютной мощи, применить которое можно было только в случае абсолютного поражения. И только тогда, когда шансов на спасение не оставалось.

Неизвестно кем и когда названное «национальной коллекцией», словно в насмешку над собранными здесь образчиками смерти, хранилище вирусов было одним из самых охраняемых и самых секретных объектов в новой России. И последним шансом нанести страшный удар неприятелю даже в случае полного поражения. И хотя в России было много настоящих коллекций, включая Эрмитаж и Третьяковскую галерею, которыми действительно можно было гордиться, биологи, проводившие здесь разработки и опыты, по-своему гордились этим хранилищем.

Но в последние годы «коллекция» начала видоизменяться. Огромные запасы разносчиков чудовищных болезней начали уничтожаться. Сказывалось и изменение общей политической обстановки, и отсутствие прямой угрозы стране, и даже резкое сокращение финансирования подобных опытов, когда само понятие «биологическое оружие» постепенно забывалось, а почти все страны уже подписали и присоединились к конвенции, запрещающей применение подобного оружия.

И сегодня по приказу командования нужно было вывезти один из контейнеров на специальную базу, находившуюся в приволжских степях, где бактерии уничтожались жесткими

рентгеновскими лучами. А заодно и проверялись на выживание под подобными смертоносными для всего живого лучами.

Подполковник посмотрел на часы. Они вошли в коридор ровно две минуты назад. Дежурный фиксировал время прохождения каждого из посетителей. Здесь существовала не только абсолютная охрана, многократно дублирующая людей и технику. Здесь был непроходимый полигон для любых террористов, которые захотели бы рискнуть и появиться в этом хранилище. Даже хранилище Государственного банка страны, где хранился золотой запас, охранялось не так тщательно и не с такими мерами предосторожности. Любой входивший сюда понимал, что здесь другой мир. Мир со своими сложностями и своими опасностями. И поэтому каждый вошедший безукоризненно выполнял все строгие правила.

Трое офицеров, идущих сейчас по коридору, напоминали трех астронавтов из фантастического фильма, случайно оказавшихся в условиях, близких к земным. Здесь подгонялись не только их тяжелые костюмы, похожие на скафандры космонавтов. Каждый из офицеров проходил специальную инструкцию на выживание в условиях внезапной аварии в хранилище. И каждый знал, что в случае малейшей опасности должен быть готов погибнуть вместе с другими, но перекрыть доступ заключенным в контейнеры и стеклянные колбы «пленникам» к выходу из хранилища.

Офицеры двигались к намеченной цели. Они еще не знали, что через несколько минут одного из них уже не будет в живых, а двое остальных...

Москва. 6 часов 06 минут

Он посмотрел на часы. До конца смены еще более двух часов. Стоять здесь, при въезде в город, на одной из основных магистралей, ведущих в столицу, было и плохо, и хорошо. Плохо потому, что по этой трассе вечно проезжали автомобили с высшими чиновниками страны. И любой из них мог заметить какую-нибудь неточность или небрежность в работе сотрудников ГАИ. Говорили, что и сам министр внутренних дел иногда проезжает на работу именно по этой трассе, почему-то предпочитая делать солидный крюк с дачи, словно проверяя, как работают вверенные ему службы по всей линии дороги.

Всегда существовала вероятность нарваться на какого-нибудь идиота, который мог оказаться либо сотрудником президентского аппарата, либо чиновником самого Министерства внутренних дел. И тогда сотрудник ГАИ, допустивший оплошность, в лучшем случае никогда больше не появлялся на этой трассе. А в худшем – просто вылетал из органов МВД.

Но, с другой стороны, это была самая «хлебная трасса» в радиусе всего района, на которую мечтал попасть любой из сотрудников ГАИ. Подвыпившие бизнесмены на своих «Мерседесах», загулявшие дачники, просто бандиты на тяжелых джипах – все эти категории нарушителей платили много и охотно. При нормальном везении с трассы за смену можно было собрать до полутора-двух тысяч долларов. Половина этой суммы, конечно, шла начальству, но даже оставшаяся половина с лихвой покрывала все неудобства службы и превышала месячную зарплату офицеров ГАИ. Именно поэтому среди сотрудников была столь опасная конкуренция на это место, и любой из офицеров, кто начинал приносить начальству меньше денег, чем обычно собирали его предшественники, рисковал оказаться вне трассы, на кабинетной работе в ГАИ. На «чистом» окладе, которого не хватило бы даже на один приличный обед для компании в хорошем ресторане.

Главное было – не ошибаться. Не нарваться на занудливого формалиста или злопамятного чиновника. К таким старший лейтенант Звягинцев был беспощаден. Он, работавший на трассе уже второй год, словно чувствовал подобных типов и строго пресекал любые разговоры о возможности смягчения наказания. Кроме этих редко встречавшихся одиночек, были еще и крупные мафиози, которые вместо штрафа вполне могли полоснуть из автомобиля автоматной очередью. С такими Звягинцев тоже не связывался. Он четко просчитывал стоимость автомобиля и сразу вычислял, стоит ли задерживать такую машину. Если «Мерседес» или «Шевроле» тянул на добрую сотню тысяч долларов, он старался не рисковать. Заплативший за свой автомобиль такие бешеные деньги вполне мог нарушать правила дорожного движения. В этом старший лейтенант был уверен.

Иногда могло повезти и с подобным автомобилем. Но это была уже удача. Звягинцев помнил, как три месяца назад он задержал в роскошном «БМВ» вдребезги пьяного артиста эстрады, спешившего на дачу к своей знакомой. И содрал тогда с того четыреста долларов, прежде чем актер уехал к своей подруге. Артист был известным, его часто показывали по телевизору, и Звягинцев, всегда глядя на него, испытывал легкое чувство удовлетворения и непонятной зависти. Артист расстался с деньгами легко, даже не поняв, почему и зачем он их отдает. Таких компанейских мужиков Звягинцев любил и уважал.

Теперь, сидя в автомобиле, он с понятным нетерпением глядел на трассу, жалея, что осталось так мало времени. В такие предрассветные часы редко кто выезжает на трассу. Лучшее время настоящего «улова» – с двух до пяти часов утра. Потом пик резко спадает, а под утро ездят только чиновники, спешащие на работу, и верные мужья, опасющиеся гнева своих подруг.

Рядом дремал капитан Парамонов. Он недавно был переведен из центрального аппарата ГАИ, когда новый министр решил укрепить кадры на местах, сокращая центральные аппараты.

Министр даже не подозревал, что на каждом перемещении, на каждом сокращении, на каждом передвижении кадровики будут загребать огромные суммы денег, продавая «место под солнцем» и учитывая степень «навара» в той или иной местности.

Ни Звягинцев, ни Парамонов не были плохими офицерами. Они не были и хапугами-вымогателями, стремящимися во что бы то ни стало вытянуть деньги, забывая о своей совести и долге. Тот же Звягинцев в прошлом году сумел задержать опасного преступника, когда тот пытался уйти на своей «девятке» от преследования. И неоднократно отмечался руководством ГАИ города за совсем не плохую службу. Просто служба их была как бы разделена на две составляющие. В первой – ночные бдения на дорогах, мужество, верность офицерскому долгу. Во второй – вынужденное вымогательство, невозможность достойно прожить даже на очень большую по нынешним временам офицерскую зарплату в... сто с лишним долларов. И строго установленные нормы платы своим руководителям снизу доверху, при которых рискнувший отказаться офицер мог вполне оказаться без работы или получить случайную пулю в немотивированной перестрелке.

Звягинцев знал все эти правила и старался держаться в их рамках, не очень свирепствуя на дорогах, но и не давая возможности начальству усомниться в его действительно деловых способностях перспективного офицера ГАИ. Он снова покосился на спящего Парамонова. Подполковник твердо обещал, что уже осенью Звягинцев может рассчитывать на четвертую звездочку.

Впереди на трассе показалась машина. Звягинцев насторожился. Они стояли на трассе в самом неудобном для проходящих машин месте, где их не могли заметить. За рекламным щитом. Но с правой стороны здесь была дорога. И любой автомобиль, следующий по трассе, обязан был чуть притормозить, пропуская возможную помеху. Конечно, никто этого, как правило, не делал, что давало возможность инспекторам ГАИ остановить формально нарушившего правила движения автомобилиста через сто метров.

А если даже кто-то и затормозит, то его все равно можно при желании остановить. Хотя бы за ненадетые ремни безопасности, которые многие владельцы автомобилей просто срезали.

Звягинцев всмотрелся и разочарованно откинулся на сиденье. Это была обычная «шестерка». Пыльная, грязная, немного помятая. С водителя такого транспорта даже при желании не вытянуть более двадцати тысяч. А за такие деньги не стоило даже выходить из автомобиля. Звягинцев с завистью посмотрел на спящего Парамонова. «Шестерка» прошла опасную зону, чуть притормозив, и уже затем, подъехав к автомобилю ГАИ, остановилась. Из машины вышел сравнительно молодой человек, лет сорока. Он был одет в потертую кожаную куртку и вельветовые коричневые брюки. Наверно, дачник, решил для себя Звягинцев.

«Дачник» нерешительно осмотрелся и зашагал к машине ГАИ. Тяжело вздохнув, Звягинцев вылез из автомобиля. Неужели у этого типа что-то не в порядке с машиной? Только еще этого сейчас не хватало – возиться с этим типом. Он достал с заднего сиденья свой автомат, привычно повесил его на левое плечо.

– Доброе утро, – улыбнулся «дачник». У него были неприятные, рыбы, какие-то немигающие, холодные глаза.

– Доброе утро, – хмуро ответил Звягинцев, глядя на непрошеного гостя. – Что-нибудь случилось?

Парамонов, услышав голоса, проснулся и теперь, сидя в автомобиле, недовольно тараторчил на подошедшего незнакомца.

– Кажется, мы сбились с дороги, – сказал, снова улыбаясь, «дачник». – Вы не подскажете, как проехать в Жуковку? – Глаза у него по-прежнему не улыбались. Они, не мигая, смотрели на офицера ГАИ.

– Это совсем в другой стороне, – махнул рукой Звягинцев. За рулем автомобиля сидел молодой парень, наверно, сын или племянник «дачника». Отсюда трудно было разглядеть его лицо.

– Извините, – разочарованно пробормотал «дачник».

И в этот момент на трассе показался еще один автомобиль. Звягинцев почувствовал, что на этот раз он может попробовать его остановить. Это был белый «Мицубиси-Галант». Такие машины обычно покупали преуспевающие бизнесмены средней руки и чиновники, сделавшие свои первые приобретения на деньги, вырученные от коррупции. Ни крупные чиновники, ни большие бандиты таких машин не имели.

Парамонов не вылезал из машины, и Звягинцев, оглянувшись на него, почувствовал легкую досаду. Навязали такого напарника, да еще и старшим поставили. Но он внешне ничем не выдал своего раздражения, а подойдя к дороге, стал следить за приближающимся «Мицубиси». Так и есть. Он прошел опасное место, не затормозив. Номера собственные, обычные. Машина не первой свежести. Все в порядке. Такую вполне можно остановить.

Оставшийся у машины ГАИ «дачник» наклонился, поправляя свои кроссовки. Звягинцев уже не смотрел на него. Все его внимание было направлено на приближающуюся машину. Он отвел автомат, так мешавший ему работать, в сторону. В случае необходимости эта «игрушка» его все равно нормально не защитит. А носить ее приходится по инструкции. Автомат Парамонова сейчас лежит в их автомобиле на заднем сиденье. Звягинцев поднял руку. Водитель «Мицубиси» увидел его и начал тормозить. Кажется, в машине сидят двое или трое. И все молодые ребята. Может, еще и подвыпившие. Звягинцев почувствовал себя увереннее и уже нетерпеливым жестом правой руки резко махнул вниз, давая понять, где именно нужно остановиться.

«Дачник» по-прежнему поправлял свои кроссовки. «Чего он не уезжает, этот ненормальный?» – мелькнула в голове мысль. «Мицубиси» мягко затормозил рядом. Водитель снял темные очки. Спокойно посмотрел на Звягинцева. Слишком спокойно. И это очень не понравилось старшему лейтенанту. Почему он так хладнокровен? «Может, они из органов? – подумал Звягинцев. – Какая-нибудь машина из службы наблюдения милиции или контрразведки?»

Парамонов по-прежнему сидел в автомобиле, ни на что не реагируя. Он лишь видел, как Звягинцев задержал обычную машину, и теперь лениво ждал, когда закончится разговор задержанных с офицером ГАИ.

Звягинцев на всякий случай отдал честь и громким голосом представился:

– Старший лейтенант Звягинцев. Ваши права, пожалуйста.

Теперь все зависело от действий водителя. Если он достанет из кармана красную книжку, придется их отпустить. Если начнет просить прощения за неизвестное нарушение, можно будет оштрафовать. Но почему у этого водителя такие неприятные холодные глаза?

Произошло непонятное. Водитель достал из кармана свои права и протянул их Звягинцеву. Старший лейтенант, несколько смутившись, взял документы. Все произошло совсем не по тому сценарию, как он для себя наметил. Придется посмотреть эти документы и выяснить, в чем тут дело.

А «дачник» по-прежнему возился со своими кроссовками.

– Вы нарушили правила дорожного движения, – напряженным голосом сообщил Звягинцев, – не затормозили вон у того поворота. Вам это известно?

– Да, – подтвердил хладнокровный водитель с неприятными серыми, очень спокойными глазами. Сидевшие сзади двое молодых людей молча смотрели на старшего лейтенанта. «Почему ни один из них не сидит рядом, – мелькнула неприятная мысль. – Или он просто их водитель?»

– Я должен выписать квитанцию о штрафе, – еще более нерешительно сказал Звягинцев. Для себя он уже решил, что нужно действовать только по закону. Может, они из охраны Президента или из еще какой-нибудь неприятной организации.

– Мы можем заплатить штраф, – спокойным голосом предложил водитель.

– В сберегательную кассу, – строго кивнул уже окончательно определившийся Звягинцев, – сейчас я вам выпишу квитанцию.

– Давай, – кивнул его собеседник, словно разрешая ему это сделать. Старший лейтенант нахмурился. Может, он ошибается. И это просто обычные загулявшие «качки» из охраны какого-нибудь бизнесмена. Обычные права. На имя Леонида Вишнякова. Может, все-таки что-то не так?

– Вы не дали мне документы на автомобиль, – напомнил Звягинцев.

– Да, – подтвердил водитель, – не дал. Сейчас дам.

И почему-то не полез в карман, а поднял газету с переднего сиденья. Звягинцев не успел даже понять, что именно происходит. Он не успел даже испугаться. Водитель поднял огромный револьвер, и в самый последний момент старший лейтенант с ужасом понял, как именно он ошибался и почему этот водитель был так спокоен. Выстрел прямо в упор мгновенно разбил лицо, отбрасывая офицера ГАИ от машины. Парамонов, увидевший, что произошло, повернулся назад, пытаясь достать с заднего сиденья автомат. Ему повезло, он сразу схватился за оружие и даже успел открыть дверцу автомобиля. Но стоявший рядом «дачник» вдруг поднялся и трижды выстрелил из пистолета, отбрасывая его прямо в автомобиль. Парамонов еще дышал, когда кто-то подошел к нему и грубо вытащил, опуская на землю.

– Все равно машину испачкали, – раздался чей-то недовольный голос.

– Я не мог ждать, пока он вылезет из автомобиля с автоматом, – ответил другой, – он бы разнес вас всех на мелкие кусочки. Мы и так много времени потеряли, пока вы болтали с этим старшим лейтенантом.

– Этот еще, кажется, жив, – сказал первый голос.

– Скоро не будет, – уверенно сказал второй.

Парамонов не испытывал боли. Ему не было даже страшно. Последние его мысли были о семье. Ему было их жалко. Он еще успел почувствовать, как кто-то подошедший заслонил ему восходящее солнце и, наклонившись, выстрелил в сердце. И больше он ничего не почувствовал.

– Трупы нужно будет спрятать, – приказал «дачник». – Сукины дети, вы нам чуть все не испортили. Опоздали на десять минут.

– Зачем? – удивился кто-то. – Какая разница! Все равно через час все будут об этом знать.

– Все равно нужно спрятать трупы. Нельзя оставлять здесь этих офицеров. Иначе у нас не будет в запасе и этого часа.

Москва. 6 часов 18 минут

Тяжелая дверь медленно открывалась. В руках у подполковника был небольшой контейнер, полученный им в хранилище биологического оружия. Перед тем как дать разрешение на открытие двери, дежурный тщательно проверил еще раз идентификацию всех офицеров, время их прохода в хранилище. Сравнил фотографическое изображение на компьютере с оригиналами, хотя прекрасно знал, что посторонние здесь не могли появиться. Проверил шифр, набранный старшим из офицеров. И лишь затем дал команду на открытие двери.

Контейнер был помещен в специальный чемоданчик, защищенный пластинами. После чего трое офицеров прошли в специальную камеру, где их необычные костюмы были подвергнуты тепловой обработке. Затем еще одна камера, проверяющая их на наличие возможных микробов. В третьей камере они оставили свои тяжелые костюмы. Теперь, по правилам, нужно было пройти через душевую. Привычная процедура доставляла удовольствие. Наконец через двадцать минут они вышли из душевой, получив свои привычные костюмы.

Необычный чемоданчик уже ждал их в комнате начальника хранилища. Дежурный полковник передал папку с документацией подполковнику Ваганову. Тот привычно расписался в получении. Оба сопровождавших его офицера терпеливо ждали окончания формальной процедуры.

Путь наверх был таким же долгим. Даже в лифте, поднимающем их наверх, к поверхности земли, были установлены специальные приборы наблюдения, позволяющие слышать и видеть все, что творится в кабине лифта. И это несмотря на то, что в кабине лифта был свой штатный «лифтер» – прапорщик, который регулировал движение лифта. Однако в случае необходимости дежурящий внизу офицер мог заблокировать основной лифт.

Но в этот раз, как и обычно, все было спокойно. Трое офицеров и их сопровождающий благополучно поднялись наверх. Прошли еще два пункта контроля. И лишь затем оказались у выхода, где подполковник еще раз расписался в получении своего смертоносного груза. И только тогда мощные железные ворота дрогнули и начали отходить в сторону, офицеры вышли во внутренний двор, где находилось несколько автомобилей.

У дверей стояла машина ГАИ с двумя офицерами дорожной милиции. Тяжелая машина «БМП» с отделением охраны, состоящим в основном из солдат контрактной службы. И бронированный автофургон фирмы «Крайслер», изготовленный специально для перевозки особо ценных грузов и приобретенный прямо с завода-изготовителя. Броню «Крайслера» не сумел бы пробить и крупнокалиберный пулемет, а дополнительные стальные перегородки гарантировали внутренность машины от повреждений даже в случае лобового столкновения с какой-либо встречной машиной. Только в таком защищенном автомобиле и можно было перевозить контейнер. По строгим правилам перевозки подобных грузов за рулем «Крайслера» должен был сидеть офицер. Капитан Буркалов достал ключи, проходя к автомобилю. Рядом с ним должен был сесть еще один офицер – командир группы сопровождения. В бронированный салон автомобиля осторожно забрались подполковник Ваганов и майор Сизов. Подполковник не выпускал из рук чемоданчика, уже надев привычные стальные наручники, связывающие чемоданчик с его рукой, на правое запястье.

И только тогда, когда они оказались в автомобиле, подполковник Ваганов включил переговорное устройство внутри машины, разрешив капитану Буркалову начать движение к аэродрому. До площадки, где их ждал специальный самолет, было не так далеко, всего около шести километров. Первым выехал автомобиль ГАИ. За ним бронированный «Крайслер» с четырьмя офицерами в машине. Сразу за ними шла БМП. Это был экспериментальный образец БМП-3, уже прошедший испытания во время боевых действий на полях Чечни. На улице к ним присо-

единилась еще одна машина ГАИ, которая замыкала движение. Четыре автомобиля, выстроившись в одну колонну, ехали по направлению к военному аэродрому.

В этот ранний час на улицах Москвы почти никого не было. Если в обычные дни к семи часам утра уже начинает постепенно возрастать интенсивность движения, чтобы достигнуть своего пика через полтора-два часа, то в воскресные дни это правило не срабатывает. В такие дни даже к девяти часам утра на улицах города бывает довольно мало автомобилей. И тем более их почти не бывает в семь часов утра, когда большинство горожан еще отдыхают.

Именно поэтому подобные перевозки всегда проходили в ранние, предзарасветные часы воскресенья, чтобы исключить возможность любого случайного столкновения или аварии, которая могла бы иметь роковые последствия. Хотя трудно было себе представить автомобиль, способный протаранить бронированный «Крайслер» или, столкнувшись с ним, причинить ему существенные повреждения. Но строгие правила работы с очень опасным грузом запрещали перевозить эти смертоносные контейнеры в другие дни и часы. А разрешение на перевозку мог дать только начальник управления или один из его заместителей.

Когда машины тронулись, Ваганов привычно посмотрел на часы. Все шло точно по графику. Он обратил внимание на несколько уставшее лицо Сизова.

– Ты сегодня плохо выглядишь, – заметил подполковник.

– Как обычно, – невесело отмахнулся майор. – Света опять недовольна. Ей не нравятся мои командировки.

Ваганов знал о проблемах в семье майора. Они работали вместе уже более двух лет. Семья майора раньше проживала в Воронеже, где жили и многочисленные родственники супруги Сизова. Перевод в Москву два года назад не стал радостным событием для этой семьи. Правда, Сизов получил очередное звание, но семья осталась без обустроенного жилья, вынужденная поселиться в военном городке и с семьей из четырех человек занимать маленькую двухкомнатную квартиру. Этот переезд в столицу и проживание в военном городке, находящемся в пятидесяти километрах от центра, явно не пришелся по душе несколько истеричной супруге майора, и в последние месяцы тот приходил на работу особенно подавленный.

– На этот раз вернемся быстро, – рассудительно сказал подполковник, – два-три дня, не больше. Они ведь эксперименты ставить не собираются. Я так понял, что наш груз будет подвергаться специальному жесткому излучению.

Майор пожал плечами. По инструкции они обязаны находиться рядом со своим грузом вплоть до того момента, пока он не будет уничтожен. Даже во время лабораторных исследований, даже во время экспериментов офицеры семнадцатого управления обязаны находиться рядом, чтобы контролировать сохранность доставленного на полигон груза. И только после его полного уничтожения они должны все проверить, составить необходимую документацию и лично подписать акт уничтожения доставленного материала.

Автомобили шли на относительно невысокой скорости. Безопасность продвижения лежала в основе всех действий водителей автомобилей, входящих в колонну. Они проехали несколько строений, расположенных рядом со зданием хранилища. Когда колонна шла мимо мелькавших с правой стороны многоэтажных домов, была несколько увеличена скорость. Наконец показался невысокий забор военного городка, за которым был расположен военный аэродром.

Здесь никогда не летали тяжелые самолеты. Аэродром был небольшой, построенный в расчете на приземлявшиеся тут иногда легкие самолеты и вертолеты. Сделано это было специально, чтобы не вызывать излишнего внимания противостоящей стороны именно к этому аэродрому и военному городку. В случае начала боевых действий этот аэродром при всех обстоятельствах не мог оказаться в зоне особого внимания стратегических сил противника из-за своей небольшой площадки и незначительного количества появлявшихся тут некоторых летательных аппаратов.

Когда показался забор военного городка и мелькавшие в глубине крыши пятиэтажных домов, подполковник Ваганов снова привычно взглянул на часы. Все шло точно по графику. Как обычно, в полном соответствии с графиком. И в этот момент автомобили остановились. Ваганов достал переговорное устройство. Открывать дверцу бронированного фургона до аэродрома он не имел права ни при каких обстоятельствах. Но и машины не должны были останавливаться ни при каких условиях.

– Почему стоим? – спросил он капитана Буркалова, сидевшего за рулем.

– Впереди авария, товарищ подполковник, – доложил Буркалов, – перевернулись «Жигули», кажется, есть пострадавшие. Сейчас машину убирают с трассы.

– Пусть этим занимаются ГАИ или «Скорая помощь», – проворчал Ваганов, – мы отстаем от графика.

– «Скорая помощь» уже здесь. И машина ГАИ тоже. Сейчас, кажется, освобождают проход.

Действительно, прямо за поворотом, там, где дорога сворачивала на аэродром, стояли сильно разбитые «Жигули». На земле лежал один из пострадавших, очевидно, вылетевший из автомобиля при столкновении. Машина врезалась в большое дерево, стоявшее тут же у развилки дорог. Врачи в белых халатах привычно деловито осматривали раненого. Рядом стоял автомобиль с инспекторами ГАИ.

Первая машина колонны, в которой тоже сидели офицеры ГАИ, затормозила, увидев это зрелище. За ней остановились и все остальные. Подполковник Мисин, отвечавший за безопасность движения колонны и сидевший в первой машине ГАИ, быстро выйдя из своего автомобиля, подошел к стоявшему в форме капитана ГАИ незнакомцу.

– Быстро освобождайте дорогу, капитан, – заорал подполковник, – у нас чрезвычайный груз!

Он не узнал этого капитана в лицо и поэтому разозлился еще больше, словно незнакомый офицер был лично виновен в этом происшествии.

– Да, – сказал как-то вяло и спокойно капитан, – сейчас уберут раненого.

Подполковник подошел поближе. Врачи уже положили раненого на носилки. Открылась дверца автомобиля «Скорой помощи».

– Быстрее, – нетерпеливо сказал Мисин, – давайте быстрее.

Ему шел уже сорок шестой год, а он был все еще подполковником, отвечавшим за штабную и воспитательную работу в этом округе. Его и назначали обычно на подобные операции, с которых не было никакого «навара», кроме обычных неприятностей. Мисин терпел только из-за своей подполковничьей должности, при которой очередное звание он должен был получить через полтора года. И уже потом, в должности полковника, мог рассчитывать на руководство крупным подразделением ГАИ и относительно спокойную жизнь.

Однако не привыкший к разного рода неожиданностям, подполковник несколько растерялся, увидев случившееся происшествие на дороге. Он твердо знал, что по инструкции не имеет права останавливать колонну ни в коем случае. Однако случившаяся авария и привычный автомобиль ГАИ, стоявший рядом с разбитой машиной, вселяли чувство спокойствия, и он остановил колонну, выйдя из своего автомобиля. Теперь, вспоминая о строгой инструкции, он невольно суетился больше обычного, требуя немедленно открыть дорогу. И в этот момент увидел номера машины ГАИ. Это были знакомые номера. Мисин растерялся.

– Разве на этой машине работает не Звягинцев? – спросил он у незнакомого капитана. Тот что-то пробурчал в ответ. Ничего не понимающий Мисин шагнул вперед, и в этот момент из распахнутых дверей фургона «Скорой помощи» показался человек с непонятным прибором в руках. Зачем такие аппараты у врачей, подумал Мисин, больше похожие на гранатометы? Он не успел продумать свою мысль до конца, когда вдруг осознал, что стоявший в машине «Скорой помощи» человек целится в их колонну именно из гранатомета. Прозвучал первый

выстрел, и автомобиль ГАИ, в котором приехал сам Мисин, взлетел на воздух, подброшенный мощной взрывной волной. Почти сразу же прозвучал и второй выстрел. Это выстрелил кто-то, стоявший в овраге, расположенном слева от дороги, и теперь поднявшийся в полный рост. Загорелась БМП, подбитая с расстояния в пять метров из гранатомета. Послышались отчаянные крики солдат, попавших в эту своеобразную огненную ловушку.

Мисин дрожащими руками начал доставать пистолет, из которого ни разу в жизни ни в кого не стрелял. И в этот момент увидел капитана, достававшего из автомобиля ГАИ автомат.

– Капитан, – закричал подполковник, еще не осознавший до конца, что именно происходит, – террористы в овраге! Вызывайте подкрепление по рации!

Офицер кивнул ему головой и вдруг, подняв автомат, дал очередь в его сторону. Мисин, увидев направленное на него дуло автомата, сделал шаг назад, оступился, и это спасло ему жизнь. Он полетел в овраг еще до того, как над головой раздалась автоматная очередь.

Рядом с подбитой машиной ГАИ появилось сразу несколько человек, выскочивших из оврага. Очевидно, они точно знали, что именно находится в броневом фургоне «Крайслера». Зажатый с обеих сторон горящими машинами, имея слева довольно крутой склон, капитан Буркалов не решался никуда трогать свою машину, понимая, что любое решение может оказаться роковым. Он все еще надеялся, что из поврежденной, горящей БМП появятся солдаты охранения, сумев отсечь нападавших. Но вместо этого прямо перед ним возникло несколько нападавших.

Сидевший рядом с ним уже немолодой капитан коротко выругался и, увидев, как горят его солдаты, схватил автомат, выскакивая из машины. И почти сразу попал под автоматную очередь. Но, в отличие от Мисина, этот капитан знал, как нужно и можно сражаться. Капитан Панченко уже воевал в Приднестровье и Чечне и умел верно оценивать обстановку. Перекатившись по земле, он дал длинную очередь по нападавшим, и сразу двое из них упали, словно перерезанные пополам, сложившись надвое.

– Езжай! – крикнул капитан, махнув рукой. – Давай вперед!

Буркалов, поняв, что тот говорит, дал резкий газ, пытаясь сбросить горящую машину ГАИ в овраг. Но нападавшие, очевидно, учли и этот вариант. Пока несколько человек добивали выскакивающих из горящей «БМП» солдат, в машине «Скорой помощи» снова зарядили гранатомет. Но на этот раз находящийся там террорист не стал стрелять в «Крайслер», словно зная, что в нем находится. Вместо этого он выскочил из машины и, пробежав немного, оказался сбоку от «Крайслера», словно решив срезать его заднюю часть своим выстрелом. И лишь затем встал на колени, прицелился и выстрелил.

Взрывом сорвало заднюю дверь бронированного фургона. Капитан Панченко только теперь заметил этого нападавшего, скрытого от него самим «Крайслером», и дал в его сторону короткую очередь. Стрелявший из гранатомета с болезненным стоном упал на землю. В этот момент переодетый в офицера ГАИ другой террорист дал длинную очередь в открывшегося Панченко и попал ему в грудь.

Нападавшие, увидев, что дверь бронированного фургона сорвана, бросились к «Крайслеру». Ваганов, оглушенный, раненный и потерявший сознание, лежал на полу. Сизов, все еще контуженный после взрыва, достал пистолет. И, когда первый из нападавших показался в проеме, выстрелил прямо в лицо террориста. Тот с диким криком упал. В ответ раздалась длинная очередь, и у Сизова из рук выпал пистолет. Он был ранен в правое плечо.

Сидевший за рулем капитан Буркалов попытался еще раз столкнуть машину ГАИ с дороги. На этот раз после сильного удара горящая машина поползла вниз. Буркалов уже собирался дать сильный газ и вывести автомобиль из-под обстрела, когда по стеклу ударила очередь из крупнокалиберного пулемета. Бронированное стекло выдержало такую очередь, но Буркалов от неожиданности нажал на тормоза. И в следующий момент по водительской кабине уда-

рил второй гранатометчик из оврага. Буркалов погиб сразу, снаряд попал в кабину и еще раз подбросил машину.

– Идиот! – закричал кто-то из нападавших. – Нужно быть осторожнее.

На полу «Крайслера» лежал в крови Сизов, уже потерявший сознание и сильно ударившийся при повторном толчке. Ворвавшиеся террористы нашли контейнер, прикованный к руке Ваганова. Очередь по цепи – и контейнер перешел в руки одного из нападавших. Ваганов попытался открыть глаза. Болело все тело. Он успел заметить, как стреляют в него и кто-то наклоняется к майору Сизову. И снова потерял сознание.

– Быстрее! – снова раздался чей-то крик. – Контейнер у нас!

Панченко, собрав все силы, снова дал очередь в сторону, где копошились люди. Но им уже никто не интересовался. Из-за подожженной БМП вели огонь офицеры второй машины ГАИ. Они успели вызвать подкрепление и теперь ожидали, когда наконец оно появится из военного городка.

Но помощь пришла только через три минуты. К этому времени все нападавшие уже успели убраться, бросив разбитые «Жигули», использованные для инсценировки, прямо на дороге. Террористы спешно погрузились в машину «Скорой помощи», в автомобиль ГАИ. Еще один микроавтобус ждал нападавших внизу, сразу за оврагом, на небольшой проселочной дороге.

Нападавшие оставили только три трупа своих товарищей. Двоих, убитых Панченко, и одного, застреленного Сизовым. У всех троих были прострелены лица, словно кто-то чужой делал на всякий случай последний контрольный выстрел в лицо.

Прибывшие на место солдаты батальона охраны не стали преследовать сбежавших террористов. Вместо этого они начали оказывать помощь раненым, искать среди убитых еще живых и тушить горящие машины, разбросанные в разные стороны. Только через полчаса в воздух были подняты вертолеты. Но к этому времени руководство базы уже знало, что контейнер с грузом исчез. А тяжелораненый подполковник Ваганов был отправлен в военный госпиталь, находящийся поблизости.

Москва. 7 часов 04 минуты

Телефонный звонок, как обычно, неприятно ударил по нервам. Он поморщился, посмотрев на часы. Неужели в этот воскресный день нужно звонить так рано утром? Что у них опять произошло? Звонить воскресным утром к нему по этому телефону могли только в случае абсолютной необходимости. Или ядерного нападения на их страну. Министр покосился на спящую жену. Слава Богу, что у нее крепкий, здоровый сон. Телефонный звонок ее разбудить не сможет. Телефон зазвенел уже в третий раз. Он заставил себя отбросить одеяло, подняться на ноги и, уже не тратя времени на поиски домашних тапочек, прямо босиком бросился к телефону.

– Слушаю вас, – мрачным шепотом сказал он.

– Товарищ генерал армии, – услышал он голос дежурного офицера, – говорит генерал Климович. У нас случилось чрезвычайное происшествие. Приказали лично доложить вам.

– Кто приказал? – разозлился он.

– Начальник ГРУ генерал Лодынин. Он стоит рядом.

– Передайте ему трубку, – недовольным голосом разрешил министр обороны. Он мог бы и сам догадаться. Никто, кроме Лодынина, не посмел бы звонить так рано утром в воскресенье. Даже заместители министра, даже начальник Генерального штаба. А начальник ГРУ мог звонить в любое время и в любое место. Для этого он и был начальником ГРУ, самого секретного и самого информированного управления Министерства обороны страны.

– Товарищ министр обороны, – сухим, бесцветным голосом доложил Лодынин, – полчаса назад в Москве произошло чрезвычайное происшествие.

Министр поморщился. Неужели какой-нибудь террористический акт? Нет, в таком случае отвечать придется министру внутренних дел, а не ему.

– Во время транспортировки контейнера с особо ценным грузом из нашего хранилища запасов биологического оружия на конвой было совершено нападение. Есть пострадавшие. Контейнер с грузом исчез.

– Ну и что? – не понял сначала министр обороны. – Передайте об этом сообщение в Министерство внутренних дел. Пусть они ищут преступников. При чем тут мы? И вообще, при чем тут вы, генерал Лодынин?

– Товарищ министр обороны, – терпеливо сказал начальник ГРУ, – этот контейнер из нашей «коллекции». Несколько дней назад мы с вами о нем говорили.

– Да, – вспомнил наконец генерал, – я понял. Сейчас я приеду. Вызову машину и приеду. Его что, совсем не охраняли? – спросил он, чтобы как-то скрыть свое раздражение.

– У нас много убитых. Нападение было тщательно подготовлено. Террористы потеряли троих. Сейчас наши люди вместе с военной прокуратурой уже работают на месте происшествия.

– Подождите, – осознал наконец всю степень случившегося министр обороны, – это тот самый контейнер, о котором мы с вами говорили три дня назад?

– Он самый. Поэтому я и решил вас побеспокоить, – пояснил начальник ГРУ.

– Господи! – сказал вдруг не своим голосом его собеседник. Он был боевой генерал, отмеченный многими наградами, прошедший настоящие сражения и не раз попадавший в сложные положения. Но только сейчас, здесь, стоя босиком на своей даче, в коридоре на втором этаже, он вдруг почувствовал, что испугался. Что очень испугался. Еще сжимая правой рукой трубку, он вытер левой пот, выступающий на лбу. И только потом вспомнил про телефон.

– Генерал, – закричал он, напугав свою жену, которая проснулась от этого крика, – пришлите мне срочно вертолет! Я буду через десять минут.

Он бросил трубку. Из соседней комнаты показалось испуганное лицо младшего сына.

– Что случилось? – спросил он. Министр, не отвечая, побежал в свою спальню. Жена, проснувшись от его крика, уже сидела на кровати. Он ворвался в комнату и, опрокинув стул, бросился искать носки. Она знала, что в таких случаях он бывает особенно раздражен, но все-таки рискнула спросить:

– Что-нибудь случилось?

Он с ожесточением доставал из шкафа рубашку, обрывая соседние вешалки. И что-то бормотал себе под нос. Она вскочила на ноги, чтобы помочь ему. Таким она его не видела никогда. Никогда за все время их супружеской жизни. Попыталась достать для него китель, но он уже опередил ее, зло прикрикнув:

– Не надо!

И она осознала каким-то внутренним шестым чувством любящего человека, что произошло нечто ужасное и непоправимое. И, возможно, настолько страшное, что исправить уже ничего нельзя. Именно поэтому она сжалась в комочек и застыла на постели, уже больше не пытаясь сказать что-то своему мужу.

– Вернусь поздно! – закричал он, выбегая из комнаты, и уже в коридоре, словно вспомнив о каких-то обстоятельствах, прокричал напоследок: – Никуда с дачи не выходите. Позвони Сергею, пусть приедет вместе с семьей на дачу. Пусть все приедут.

Она все-таки поднялась и вышла в коридор, где уже стоял младший сын, также не понимавший, что именно происходит. Жена так и не успела спросить, почему нужно звонить старшему сыну.

Министр спустился вниз, на первый этаж. У дверей сидел дежурный офицер. Он клевал носом, не очень рассчитывая увидеть здесь самого министра обороны в это раннее воскресное утро. Увидев бежавшего генерала, он вскочил, забыв про свой сон.

– Вертолет прилетел? – спросил генерал.

– Что? – ошалело спросил дежурный офицер. Махнув на него рукой, министр вышел из здания. Рядом с его дачей находилась небольшая вертолетная площадка. Только в случае крайней нужды сюда могли садиться вертолеты министерства, чтобы срочно доставить министра обороны на командный пункт либо к Президенту страны. Планировалось, что такой чрезвычайный случай может быть в случае ядерного нападения на страну. Или объявления войны.

То, что случилось сегодня утром, было совсем не легче какой-нибудь ядерной опасности. А возможно, и гораздо хуже. Ибо в случае ядерного нападения какой-либо державы еще оставался шанс на ответный удар. В случае, который произошел сегодня утром, никаких шансов не оставалось. Это будет хуже прямого попадания ядерных ракет по Москве, с ужасом думал генерал.

Из дома уже бежал помощник, поднятый дежурным офицером. Не успев толком одеться, не побритый и не позавтракавший, помощник испуганно смотрел на министра. Он знал, в каких именно случаях сюда может прилететь вертолет. И понимал, что случилось нечто невообразимо страшное.

– Застегнись, – мрачно посоветовал ему генерал, глядя на часы.

Через четыре минуты должны появиться вертолеты. В таких случаях появляются сразу три вертолета. Один, в котором полетит сам министр, и два вертолета охраны, обязанные охранять головной вертолет с уже находящимся на борту министром обороны страны и командным пультом, размещенным в этом вертолете. Уже в полете министр мог начать работу, отдавая необходимые приказы. Этот вертолет был своеобразным мини-командным пунктом, с которого он мог связаться с любой атомной подводной лодкой, лежавшей на боевом дежурстве в океане, с любой пусковой установкой, расположенной где-нибудь глубоко под землей. И от одного его слова зависело очень многое. А в случае отсутствия Президента как Верховного главнокомандующего он мог и лично принимать решение об ответном ударе. Сейчас об этом как-то не хотелось думать. Генерал тоскливо посмотрел на небо. Кто мог подумать, что с этим

проклятым контейнером произойдет такая накладка! Он помнил, как в среду вечером, три дня назад, к нему на доклад явился начальник Главного разведывательного управления.

Сначала речь шла только о текущей информации из Чечни. В нескольких районах снова были нападения на транспорты, и министр требовал усилить работу ГРУ в этом беспокойном регионе. В свою очередь, генерал Лодынин докладывал о том, что уже было сделано. И что они планируют делать для обеспечения необходимого порядка в этой кровавой мясорубке, которой уже не было конца.

И только в конце разговора Лодынин начал говорить об этой «коллекции». Министр знал, что так называли самое секретное хранилище запасов биологического оружия, находящегося в распоряжении его министерства. Он никогда не спускался в хранилище, но понимал всю степень важности обладания подобным абсолютным оружием, оставленным на самый крайний случай, когда уже будет все равно. И которое можно будет применить только в случае тотального проигрыша. Ибо во всех других вариантах подобное абсолютное оружие с одинаково страшной силой било и по врагам, и по своим, не разбирая границ и национальных отличий.

Лодынин достал тогда донесение своего агента из Пентагона и показал его министру обороны. В донесении агент указывал, что в Пентагоне решено сделать соответствующий запрос через дипломатические службы и Конгресс США, обратившись к российскому правительству с категорическим требованием обменяться данными по запасам секретных биологических лабораторий, имевшихся у каждой из сторон. Министр долго вникал в смысл написанного, но так и не понял, что именно взволновало начальника ГРУ.

– Ну и пусть запрашивают, – буркнул он в сердцах, – им совсем уже нечего делать. Если так хотят, пусть лезут в это хранилище и ковыряются там среди микробов.

– Они хотят получить право на взаимную инспекцию объектов, – пояснил генерал Лодынин.

– На здоровье, – отмахнулся министр, – еще голова должна болеть из-за этой лаборатории.

– Нет, – настойчивость Лодынина начинала раздражать, – не из-за этой лаборатории. Там находятся наши запасы биологического оружия, о котором знают американцы.

– Тем более пусть смотрят, – снова не понял министр. Но начальник ГРУ не унимался:

– В «коллекции» есть специфические запасы. Те, о которых американцы не знают. И не должны знать. Ведь мы подписывали конвенцию о запрещении применения биологического оружия. Вы меня понимаете? Речь идет о разновидности штамма ЗНХ. Мы говорили, что нашим специалистам удалось вывести этот вирус путем генетического изменения кодов молекул ДНК. Самый устойчивый вирус, который когда-либо возникал в человеческом обществе. Эксперименты подтвердили его абсолютную эффективность. Почти всегда была стопроцентная смертность.

Министр невольно поморщился. Боевой генерал не любил даже слушать разговоры о подобных мерзостях.

– При чем тут мы? – снова переспросил он. – Уберите эту гадость из хранилища и покажите лабораторию американцам. Вот и все.

– Это биологическое оружие нового поколения, – настойчиво продолжал генерал Лодынин, – о нем не должен знать никто. Под видом контейнера с грузом для испытаний мы можем вывезти его на наш полигон. И сохранить там, пока не закончатся все эти проверки.

– Действуйте, – равнодушно разрешил министр. – Что вам нужно для этого?

– Я не имею права, – напомнил Лодынин, – эти подразделения подчиняются лично вам. Позвоните генералам Масликову и Лебедеву.

Генерал-полковник Масликов возглавлял двенадцатое управление Министерства обороны, непосредственно осуществлявшее охрану особо важных и секретных объектов, в

основном связанных с ядерным оружием. По сохранившейся традиции, хранилище запасов биологического оружия, требовавшее не меньшей охраны, входило в круг его объектов. Генерал-лейтенант Лебедев возглавлял исследования по этим направлениям и был начальником отдела биохимических исследований. Обоим генералам приказы мог отдавать только министр обороны страны. Или, в случае его отсутствия, начальник Генерального штаба. Министр посмотрел на лежавшее перед ним донесение агента.

– Может, этот контейнер просто уничтожить на месте? – нерешительно предложил он. Но, посмотрев на Лодынина и увидев его выразительный взгляд, больше ничего не стал говорить. А только, потянувшись к пульту управления, вызвал Масликова и Лебедева.

Только после этого он протянул листок с донесением агента генералу Лодынину. Тот аккуратно положил лист бумаги в свою папку. И поднялся со стула.

– Разрешите идти?

– Идите, – разрешил министр, и, когда начальник ГРУ вышел, он еще успел подумать о том, что американцы по-прежнему не унимаются, пытаются проверить все возможное и невозможное в их стране. Через пять минут появившиеся в его кабинете генералы получили строгий приказ о перебазировании контейнера с вирусом ЗНХ из подземного бункера «коллекции» в другое место. Обоим генералам министр разъяснил, что скоро начнется проверка хранилища американцами и рисковать в подобных случаях не стоит. Масликов сосредоточенно кивнул головой. Он не любил задавать лишних вопросов. И вообще не любил суетиться. А генерал Лебедев, напротив, выглядел чрезвычайно расстроенным. И даже пытался возражать, объясняя, как важно провести последнюю серию испытаний именно в лабораторных условиях хранилища.

Но министр уже не желал слушать никаких возражений. Еще не хватает международного скандала из-за этой мерзости, с возмущением думал министр. Они разводят какие-то вирусы, а нам потом придется объясняться в ООН, почему мы нарушаем свои собственные договоры. Нет, Лодынин все-таки умный мужик. Нужно будет убрать эти вирусы подальше от Москвы. А потом можно будет их вернуть обратно. Наверняка и у американцев есть подобные разработки. Просто придуриваются, делая вид, что ни о чем подобном никогда не слышали. Он подумал, что к этому вопросу больше никогда не вернется. И когда генералы вышли, уже забыл о нем, занимаясь другими проблемами. Он тогда и не подозревал, что навлекает на свою голову страшный кошмар, какой не мог присниться и в самом тяжком сне.

Министр услышал шум вертолетов. Наконец-то, с облегчением подумал он, снова посмотрев на часы. Они появились точно по графику. Это его как-то взбодрило. Может, и в остальном все не так плохо. И им удастся найти этот проклятый контейнер еще до того, как террористы поймут, что именно они захватили. Вертолеты садились на площадку.

– Пошли, – сказал он своему помощнику и поспешил первым к уже приземлявшимся машинам.

Москва. 8 часов 43 минуты

К зданию Министерства обороны, несмотря на раннее утро воскресного дня, продолжали подъезжать автомобили. Ошалевшие дежурные с испугом и подозрением смотрели, как один за другим поднимаются вызванные генералы к министру обороны. Да и сам министр, появившийся здесь пятнадцать минут назад, был явно не в настроении. Нескольких генералов, которых обязаны были найти, просто не было на местах. Никто не мог даже предположить, что в этот воскресный день они могут понадобиться министру обороны. На пятом этаже здания, где размещался кабинет самого министра, царил легкая паника.

К девяти часам утра появился начальник аппарата Министерства обороны генерал Квашов. Его особенно не любили в аппарате министерства за грубый, жесткий характер и постоянные придирки. Размахивая руками, он, как обычно, прошел мимо дежурных офицеров, даже не спросив у них разрешения, и вошел в кабинет министра.

В кабинете самого министра обороны к этому времени уже собрались несколько генералов. Вошедший Квашов отметил начальника Генерального штаба генерала армии Колесова, у которого было утомленное, заспанное лицо. Очевидно, он, как обычно, заснул под утро и его разбудили телефонным звонком, вынудив приехать в это воскресное утро в Министерство обороны. Рядом с ним стоял руководитель ГРУ генерал Лодынин. Они стояли в стороне и обсуждали какую-то важную проблему. Даже если не столь срочный вызов, Квашов все равно обязан был встревожиться. У генералов, стоявших в кабинете, он никогда не видел подобного выражения лиц. И он испуганно подумал о самом худшем, что могло бы произойти.

Сам министр сидел за столом, отрешенно смотря перед собой. Ждали какого-то генерала Лебедева. Квашов насторожился. Он никогда не слышал о таком генерале и поэтому немного настороженно всматривался в лица присутствующих. Неужели кто-то из офицеров сумел получить генеральское звание, минуя его канцелярию? Он никогда не слышал о таком генерале. И чем занимается этот неизвестный Лебедев, если о нем никто не знает? Хотя, с другой стороны, это не удивительно, так как он сам работает руководителем аппарата всего третий месяц. Может, он просто не успел еще познакомиться с этим важным генералом.

В кабинете министра, кроме Колесова и Лодынина, присутствовали еще несколько генералов, принадлежавших к высшему руководству министерства. Это были заместитель министра, генерал армии Орлов, начальник двенадцатого управления Министерства обороны генерал-полковник Масликов, руководитель военной контрразведки генерал-полковник Семенов. Что они все делали в это воскресное утро в кабинете министра обороны, Квашов не знал. И это было самое неприятное. Или его решили обойти и в этом вопросе, или действительно случилось нечто непредвиденное.

Он прошел к столу и сел на свободный стул в полной уверенности, что происходит нечто невероятное. Но расспрашивать сейчас, в подобной обстановке, он посчитал ниже своего достоинства. Он видел лицо самого министра и понимал, как он нервничает. Видел и лица остальных генералов. А рисковать и расспрашивать их означало расписаться в своем полном неведении, что было для него равносильно серьезному поражению. Все-таки руководитель аппарата министерства обязан знать, что происходит в самом министерстве в воскресенье утром, если сюда собралось столько генералов.

Искали не только неизвестного ему генерала Лебедева, но и первого заместителя министра Колошина, который был единственным штатским среди высшего руководства министерства. Он осуществлял обычную координацию действий министерства с другими ведомствами. Но его помощник виновато отвечал, что Колошин уехал на рыбалку и будет только после трех часов дня.

Нетерпеливый министр, которому доложили об отсутствии Колошина, закричал, уже не сдерживаясь:

– Найдите его где-нибудь, черт бы вас всех побрал! Разыщите из-под земли. Пусть срочно приедет.

И только тогда генерал Квашов осознал, что происходит нечто не просто чрезвычайное. Случилось что-то очень страшное, если все собравшиеся здесь генералы прячут глаза, стараясь ничего не говорить. Из приемной осторожно вошел дежурный офицер. В это раннее утро воскресного дня не было даже помощника министра обороны, который тоже отдыхал где-то за городом. Офицер стоял у входа, не решаясь говорить.

– Что случилось? – недовольным тоном спросил министр.

– Приехали Зароков и Борисов, – доложил офицер.

Кто такой Борисов? – снова тревожно подумал Квашов. Что вообще тут происходит? Кто пускает всех этих офицеров и генералов к министру? Почему он ничего не знает? Хотя нет, генерала Зарокова он знает. Это командующий химическими войсками страны. Но почему он вызван так рано вместе с другими генералами сюда? И кто такой Борисов? Дежурный офицер вышел из кабинета, напоминая скорее небольшой тронный зал, чем обычную комнату. Министр обвел взглядом стоявших генералов.

– Чего вы все стоите? – буркнул он. – Садитесь. Сергей Андреевич, вы не возражаете, если доклад вашего офицера услышим мы все? – спросил он у генерала Семенова.

Контрразведчик, прошедший к столу, очень недовольно покосился на сидевшего рядом с ним генерала Квашова, но не осмелился возражать, кивнув головой. С правой стороны стола сидели Колесов и Лодынин. У них были особенно мрачные лица, словно именно они вдвоем были виноваты в том, что всех генералов вызвали сюда в такое время. Напротив них за длинным столом сидели Орлов, Семенов и Масликов. Сам Квашов сидел между заместителем министра обороны Орловым, единственным человеком в министерстве, с которым у него были хорошие отношения, и Семеновым, руководителем военной контрразведки страны, с которым у него были очень плохие отношения. Он ни секунды не сомневался, что, будучи всего лишь генерал-майором по своему воинскому званию, да и то получив его всего три месяца назад, имеет право давать указания генерал-полковнику Семенову и генерал-лейтенанту Лодынину, которые, по его мнению, всегда проявляли излишнюю строптивость.

В министерстве не любили офицеров ГРУ, считая их слишком самостоятельными, но еще больше не любили представителей военной контрразведки. После того как последний министр обороны был снят с огромным скандалом, из армии уволили десятка два генералов за их приватные разговоры в комнате отдыха министра. Только через некоторое время контрразведчики установили, что в этой комнате было установлено специальное устройство для прослушивания. Для всех так и осталось загадкой, кто именно мог это сделать: ФСБ, традиционно следившая за всеми, ФАПСИ¹, у которых была самая совершенная аппаратура, или Служба охраны Президента, которая также традиционно подозревала всех в заговоре, направленном против Президента. После этого в аппарате министерства стали откровенно недолюбливать всех контрразведчиков.

В кабинет вошли двое. Первого генерал Квашов знал. Это был генерал Зароков, невыспавшийся, небритый, с красными от волнения глазами. У него был такой помятый вид, что даже наличие парадного мундира, непонятно почему надетого в это воскресное утро, не вызвало никаких ассоциаций, кроме жалости. Вдобавок ко всему парадный мундир был перепачкан и кое-где виднелись следы затертой грязи. За ним шел невысокий плотный мужчина лет

---

¹ ФСБ – Федеральная служба безопасности, ФАПСИ – Федеральное агентство правительственной связи. Ранее на правах отдела входило в организационную структуру КГБ СССР.

сорока пяти. Увидев такое количество высших руководителей страны, он явно смутился. Но продолжал молча стоять, ожидая разрешения пройти ближе к столу.

– Вы что, Зароков, – грозно спросил министр, игнорируя второго вошедшего, – совсем с ума сошли? Что за цирк? Почему вы в парадном мундире?

– Я прилетел с дачи, товарищ министр, – убитым голосом доложил Зароков, – у меня не было там другого мундира. Прошу меня извинить.

Министр вспомнил, что сам прилетел с дачи и был одет в штатское. Поэтому не стал больше ничего спрашивать. И вообще распространяться на эту тему.

– Садитесь, – неприязненно посмотрев на вошедших, разрешил он обоим гостям. Борисов осторожно подошел к столу. Он тоже был в штатском. И сел только после того, как рядом сел генерал Зароков.

– Кто будет говорить? – невесело спросил министр.

Неизвестный генералу Квашову офицер в штатском сразу вскочил с места.

– Полковник Борисов, – коротко доложил он.

– Это мы знаем, – нетерпеливо заметил министр. – Докладывайте, что вы там нашли?

Борисов положил на стол папку, получил в поддержку одобряющий кивок генерала Семёнова и начал докладывать:

– Осмотр места происшествия позволяет предположить, что нападение было тщательно спланировано и подготовлено. Для участия в нападении была заранее похищена автомашина ГАИ. Трупы убитых офицеров пока не обнаружены. Нами отрабатывается версия о возможной причастности одного или обоих офицеров милиции к этому нападению. По словам свидетелей, стрелявшие были одеты в милицмейскую форму, что несколько смутило охрану и позволило нападавшим воспользоваться эффектом неожиданного нападения.

– В МВД сообщили? – сквозь зубы спросил министр.

– Конечно. Их представители уже работают на месте.

Министр сжал губы. Если обо всем знает министр МВД, значит, скоро узнает и Президент. Но, ничего не сказав, кивнул головой, словно разрешая продолжить доклад.

– Нападение было совершено примерно полтора часа назад. Колонна двигалась к аэродрому, когда была остановлена автомашиной ГАИ, – продолжал полковник Борисов. – Террористы использовали для нападения гранатометы. Руководитель группы сопровождения капитан Панченко тяжело ранен и сейчас находится в госпитале. По словам врачей, уже через несколько часов можно будет с ним поговорить. Там дежурят наши сотрудники. Подполковник Мисин, руководитель группы сопровождения ГАИ, уже дает показания нашим сотрудникам. Во время нападения убито восемь человек. Пятеро ранены, из них трое очень тяжело, в том числе руководитель группы, непосредственно осуществлявшей перевозку контейнера, подполковник Ваганов.

Наступило молчание.

– Нападавшие никого не потеряли? – спросил министр.

– У них трое убитых. Мы вместе с криминалистами МВД пытаемся сейчас идентифицировать трупы, но пока ничего конкретного. С момента нападения прошло не так много времени. У погибших изуродованы лица. Перед тем как исчезнуть с места происшествия, террористы сделали контрольные выстрелы в лица погибших. Через несколько часов мы будем иметь более подробную информацию.

– Через несколько часов, – уже не сдерживаясь, прошипел министр обороны, – через несколько часов об этом будет знать весь мир. Вы хоть понимаете, полковник, что именно они похитили?

Борисов молчал. Тяжело вздохнув, Зароков поднялся и встал рядом с ним.

– Мы все понимаем, товарищ министр обороны. Начаты интенсивные поиски по всем направлениям. Я приказал собрать всех старших офицеров, находящихся в Москве. Мы пони-

маем, насколько опасная и серьезная ситуация сложилась после захвата контейнера. Мы все понимаем, товарищ министр.

Несмотря на то что после августовских событий девяносто первого года прошло уже достаточно много времени, в Российской Армии по-прежнему обращались друг к другу со словами «товарищ генерал» и «товарищ министр». Слово «господин» здесь как-то не прижилось.

– Контейнер можно вскрыть без участия ваших людей? – строго спросил министр.

– Можно, товарищ генерал.

– Да какого хрена вы тут делаете? – снова взорвался министр. – У вас скоро вся Москва передохнет.

Снова повисло тяжелое молчание. Испуганный Квашов, только начавший осознать, что именно происходит, заметил, как вытирает пот дрожащими руками генерал Колесов. И эти дрожащие руки начальника Генерального штаба окончательно добили Квашова. Он уже понял, что речь идет о каком-то химическом или биологическом оружии, попавшем в руки террористов. Министр, недовольный на себя за свой срыв, отвернулся и, глядя в сторону, спросил у Борисова:

– Полковник, у вас все?

– Так точно.

– У кого есть вопросы? – спросил министр, все так же не поворачивая головы.

– Разрешите? – услышал он голос начальника ГРУ генерала Лодынина.

– Да, – наконец повернул голову министр.

– Что случилось с офицерами группы Ваганова? – спросил Лодынин. Зароков нахмурился, словно спросили о самом неприятном. Борисов молча смотрел на него, не решаясь ничего говорить в присутствии старшего по званию. Молчание грозило затянуться.

– Подполковник Ваганов тяжело ранен, – доложил наконец генерал, стараясь ни на кого не смотреть, – капитан Буркалов убит. Третий член группы – майор Сизов – не найден во время осмотра места происшествия. Ни живым. Ни мертвым. И до сих пор не объявлялся.

В кабинете повисло молчание. Зловещее молчание.

– Так, – с трудом сдерживая гнев, подвел итог министр обороны, – значит, совершенно не просто нападение. Ваш офицер сбежал вместе с контейнером. Поздравляю вас, генерал Зароков. Это действительно самая важная новость из всего сказанного вами.

Москва. 9 часов 05 минут

Автомобиль затормозил у пятиэтажного дома. Резко затормозил, и сидевшие в микроавтобусе люди едва не попадали друг на друга.

– Осторожнее! – крикнул Седой. Ни один из сидевших в микроавтобусе людей не знал имени и фамилии Седого. Он так и был представлен всем как Седой. Никто не решился спросить, что означает это имя – собственно само имя, фамилия или кличка этого пожилого человека, наводящего страх на всех своими рыбьими, выпученными глазами, которые не мигая смотрели на всех окружавших его людей.

Именно Седой, перед тем как они отъехали от места нападения, очень хладнокровно прострелил лица обоим нападавшим, еще недавно сидевшим вместе с ним в одном автомобиле. Третьему пулю в лицо пустил его молодой напарник, лысоватый молодой человек лет двадцати с лихорадочно блуждающим взглядом, какой обычно бывает у людей с повышенной возбудимостью и шизоидальным отклонением личности.

Из микроавтобуса контейнер доставали сразу три человека. Седой молча следил за тем, как его перекладывали в «БМВ», стоявший во дворе дома. За рулем автомобиля уже сидел неизвестный нападавшим человек в темном костюме и темных очках. Проследив за тем, как один из людей Карима принес контейнер и положил его на заднее сиденье «БМВ», незнакомец кивнул Седому.

– У вас всего десять минут времени, – напомнил Седой.

– Помню, – улыбнулся незнакомец. – У вас все прошло нормально?

– Трое убитых, – коротко сообщил Седой, – но я сделал все, как мне было приказано.

– Раненые есть?

– Двое. Один у нас, легко. Один в другой машине, тяжело.

Стоявшие рядом с машиной люди слышали приглушенный разговор обоих собеседников. Незнакомый им парень с лихорадочным взглядом сел в «БМВ» рядом с водителем, положив автомат на колени.

– Им нужно помочь, – неприятно улыбнулся сидевший за рулем, – доставить врача.

– Да, конечно, – угрюмо согласился Седой. «БМВ» мягко тронулся с места.

– В машину, – приказал Седой своим людям. В микроавтобусе их было пятеро. Один сидел за рулем, все остальные сидели в закрытой кабине, сжимая в руках свое оружие. Сюда же побросали и ненужные теперь гранатометы и пулеметы.

– Карим, – приказал Седой, обращаясь к старшему из них, – я сейчас сойду, пересеяду в другую машину. Вы едете до Реутово. Действуйте, как договорились.

Карим кивнул головой. Он знал, что именно ему нужно делать в Реутово. Еще когда они обговаривали план действий, все было четко расписано, и ему нравилось это четкое выполнение плана. О погибших он не особенно беспокоился. В конце концов всем хорошо платили, и каждый из согласившихся на эту авантюру хорошо представлял, на что именно он идет.

Карим собирал этих ребят две недели. Вернее, ему дали две недели, чтобы он подобрал команду. И ничего никому не говорил. Лишь когда они собрались на даче, расположенной в ста двадцати километрах от Москвы, собрались всей группой в одиннадцать человек, на даче появился Седой. Карим слышал некоторые легенды об этом человеке, но считал это большей частью выдумкой охотчих до разных баек «солдат удачи».

Про Седого рассказывали очень много всякого. Говорили, что раньше он воевал в Афганистане, где был офицером и командиром разведроты. После двух тяжелых ранений он вернулся домой и был представлен к званию Героя Советского Союза. Говорили, что звание это он даже успел получить. Другие уверяли, что звание у него было отобрано, когда в пьяной драке в Минске он заколол своего обидчика на глазах у всего зала. Приговор суда оказался небывало

суровым – пятнадцать лет в колонии усиленного режима. Тогда многие еще не знали, что такое Афганистан и в каком состоянии возвращаются оттуда офицеры и солдаты.

Седой отсидел девять лет. И пять раз пытался бежать. Однажды это случилось в Казахстане, где он даже прошел по степи более ста километров, умудрившись выжить без воды и еды. Но каждый раз его ловили и водворяли на место. Везло ему в другом. Каждый раз за побег ему давали новый срок, прибавляя его к старому. Но каждый раз по амнистии ветеранам Афганистана сокращали срок, и Седой попадал под эту категорию преступников. Так он и появился на свободе в девяносто втором, без денег, без связей, без наград, но уже с наработанным авторитетом беспощадного одинокого волка.

В зонах шепотом рассказывали, что Седой отказался от высокого звания вора в законе. Когда на одной из сходок собравшиеся воровские авторитеты хотели заочно присудить ему это звание, он отказался. Он не любил ни воров, ни мужиков, ни шестерок, ни паханов. Он вообще не любил и не признавал никого. И даже умудрялся говорить на равных с ворами в законе, демонстрируя свое презрение и поразительное мужество. Рассказывали, что один из воров решил проучить Седого и даже приговорил его к «опусканию». Так в зоне называли тех, кого собирались насиловать. Но Седой не дался. Он изувечил пришедших за ним пятерых крепких мужиков и самолично припер вора к стенке, отрезав ему ухо. Седой знал законы воровского мира. Он не имел права убивать вора в законе. За это в любой тюрьме, в любой зоне ему полагалась смерть. Но отрезать ухо и выразить свое презрение к неисполненному приговору он мог. И он это сделал, принеся ухо своего противника в барак для заключенных.

Воровской сход единогласно решил, что Седой был прав, и его оставили в покое, не решаясь больше проверять на нем отработанные меры наказания провинившихся.

Карим слышал, что, выйдя на свободу, Седой стал беспощадным, изобретательным убийцей, своего рода руководителем целой артели изошренных киллеров, готовых на любое преступление за большие деньги.

Почти всех собравшихся на даче людей он знал лично. Кто-то прилетел из Приднестровья, кто-то воевал еще в Карабахе. В бывшей огромной стране находилось слишком много людей, для которых игры с оружием были единственным средством к существованию. И единственной профессией которых было профессиональное убийство. Седой появился только тогда, когда все одиннадцать человек были на месте. Вместе с Каримом это была целая футбольная команда в двенадцать человек со своим тренером.

Седой коротко рассказал, что их пригласили на важное дело. Нужно будет отбить автобус с небольшим контейнером, в котором хранится отработанный с атомной станции уран. Об уране почти все слышали и почти все знали о его радиоактивности. Седой пообещал каждому по двадцать тысяч долларов, причем половину платил сразу. Но с одним условием – до начала операции никуда не исчезать с этой дачи. Из двенадцати человек согласились одиннадцать. Один, немолодой прапорщик-пограничник из Таджикистана, почему-то решил в последний момент отказаться. Может, у него была семья и он не мог оставаться все время на даче. А может, он просто не хотел ввязываться в столь сомнительную авантюру.

Седой на удивление легко согласился его отпустить, попросив Карима проводить «отказника» до станции. Карим слишком хорошо понял взгляд и интонацию Седого, чтобы ошибиться на этот счет. Когда они вышли из дома, он просто пристрелил отказавшегося неудачника, не став объяснять тому причины его собственного убийства.

Когда он вернулся в дом, Седой одобрительно кивнул головой. Он не сказал ни слова, просто кивнул головой. Карим мог бы быть доволен, если бы он не разглядел в кустах нескольких парней Седого, с которыми он приехал на дачу. Если бы в этот момент он пожалел прапорщика, то во дворе дома лежало бы сразу два трупа – его собственный и «отказника». В таких случаях не любили миндальничать.

Из одиннадцати человек, выехавших на операцию сегодня рано утром, в машине сидели всего пятеро. Трое убитых остались лежать у развороченной БМП, а остальные трое находились в машине «Скорой помощи», которая должна была появиться в другом месте. Из пятирх нападавших один все время сидел за рулем, ожидая террористов в овраге. Один был легко ранен в ногу и теперь сидел на полу, перевязав ногу и сделав себе укол, уже равнодушный к темному пятну крови, проступающему на его брюках. Еще один из людей Карима был ранен в ладонь. Но в общем им повезло гораздо больше, чем троим оставшимся там, чьи лица так хладнокровно были прострелены Седым и его диким молодым напарником.

В самом нападении, кроме людей Карима, участвовали и пятеро боевиков Седого. Тот самый ненормальный, взгляд которого вызывал сомнение в его дееспособности, двое переодетых в милиционерскую форму людей, сидевших в захваченной автомашине ГАИ. Они отъехали сразу, словно торопились быстрее избавиться от автомашины и формы, которая была на них надета. И наконец еще двое боевиков, один из которых успел прыгнуть в автомобиль ГАИ, а второй оказаться в автомобиле «Скорой помощи» с тремя нападавшими террористами Карима. В ней находился и тяжело раненный в грудь террорист, который лежал на полу машины, спасительно потеряв сознание и не беспокоя своими стонами сидевших рядом с ним людей. Почему-то в машину ГАИ затащили и одного из раненых офицеров, взятых во время нападения на колонну. Может, хотели получить у него более точные сведения о том, как обращаться с этим контейнером. Этого никто в группе Карима не знал.

Так они и уехали после нападения, пристрелив троих своих товарищей. В первом микроавтобусе – пять человек из группы Карима, сам Седой и его напарник. В автомобиле ГАИ – трое боевиков Седого и раненый офицер, захваченный во время нападения. И, наконец, в автомашине «Скорой помощи» успели уехать трое из людей Карима и один боевик Седого. Карим понимал, что потери будут неизбежны, но его неприятно поразило, что потери понес только его отряд. Боевики Седого оказались на высоте и вышли из боя практически целыми. Ссадины, кровоподтеки и легкие ранения в таких столкновениях обычно в расчет не принимаются. Но Карим помнил, как хладнокровно стрелял Седой в его людей, и решил, что было бы полезнее всем людям его группы, которых он подбирал и которые считали его своим командиром, ехать вместе.

Но автомашина «Скорой помощи» по плану должна была идти совсем в другую сторону, и Карим помнил, что они должны были рассредоточиться на случай возможного обнаружения их группы. Он в который раз подумал о верности избранного плана. По сложившейся традиции воинские преступления и нападения на военных обычно расследовали представители Министерства обороны. Самолюбивые военные наверняка попытаются сначала сами найти террористов, а уж затем обратятся к представителям ФСБ и МВД. На этом и строился весь расчет нападавших. Нужно было выиграть всего несколько часов, пока зарвавшиеся военные не поймут, что нападение на колонну было совершено не просто террористами, а специально подготовленными людьми, хорошо представлявшими себе объект нападения. Собственно, это можно было сообразить почти сразу. Но, пока закончатся обычные в таких случаях межведомственные разборки, пройдет некоторое время. А за это время контейнер будет уже далеко.

Карим считал себя начитанным человеком и из газет знал, что отработанный уран с атомных станций может быть использован для изготовления атомной бомбы. Вернее, он читал нечто похожее на эти сообщения, точно не зная, можно ли в действительности использовать этот уран. Но раз его собирались захватывать такими силами и раз его так охраняли, то не было никаких сомнений, что за уран готовы были заплатить большие деньги. Видимо, он действительно шел на изготовление атомной бомбы. И Карим осторожно намекнул Седому, что нужно поднять его личный гонорар как руководителя группы до приемлемого уровня. Седой почему-то тогда усмехнулся и коротко сказал:

– Поднимем. Пятьдесят тебя устроит? – и, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты.

Теперь, сидя в автомобиле, Карим вспоминал про этот разговор, радостно предвкушая получение очередных денег. Нужно будет получить их по возможности отдельно, думал он. Чтобы другие ребята не узнали.

Седой все время смотрел в окно. Наконец он кивнул головой, коротко постучав по внутренней стенке микроавтобуса, отгораживающей его от водителя. Тот мягко затормозил машину. Это был настоящий ас, водитель, прошедший войну в Абхазии, где он был личным водителем командира полка. Карим знал, кого нужно выбирать на такое сложное дело.

– Я жду вас в Реутово, – напомнил Седой, забирая свою небольшую сумку. – Вот этот чемодан передашь хозяину дачи. Он с тобой рассчитается. Я подъеду попозже. Привезу врача, чтобы посмотрел раненых.

– Хорошо, – кивнул Карим. Этот чемоданчик лежал рядом с ними, еще когда они выезжали рано утром, еще до нападения на воинскую колонну. Седой протиснулся к дверце, открыл ее, мягко спрыгнул вниз, хлопнул дверцей.

– Трогай, – сказал он, махнув рукой. Машина сразу отъехала.

– Не люблю я его, – хрипло заметил раненный в ладонь. – Глаза у него какие-то мертвые, рыбы.

– Видел, как он стрелял наших ребят, – согласился другой, раненный в ногу. – Стрелял, сука, так равнодушно, словно на параде. Прямо в лицо.

– Он это делал, чтобы нас сразу не нашли, – решил поддержать порядок Карим.

– Да иди ты! – сказал раненный в ладонь. – Он тому парню в «БМВ» вообще сказал, что всего двое раненых. Меня раненым он даже не считает. А мне пуля ладонь пробила. Нужно было договориться, чтобы за лечение отдельно платил.

– Кто остался в той машине? – спросил Карим, имея в виду машину «Скорой помощи».

– Игорь, Валентин, Равиль, – сказал кто-то.

– Валя погиб. А потом ему еще выстрелил в лицо этот мерзавец.

– Значит, Вадим.

– Он был тяжело ранен. Хорошо, что Игорь успел затащить его в машину, иначе Седой пристрелил бы и его, – снова сказал раненный в ладонь.

– Кончайте базар, – махнул рукой Карим, – все уже кончилось.

– Ничего не кончилось. Он этот контейнер забрал и сам смылся. Может, в Реутово нас милиция ждет. Откуда ты знаешь?

– С ума сошел? – разозлился Карим. – Какая милиция! Седой – мужик настоящий. В зоне был. Он своих корешей никогда не сдавал.

– А почему с нами в Реутово не поехал? Почему чемоданчик только послал? Может, вообще больше не хочет нас видеть.

– Ты хоть проверь, – добавил раненный в ногу, – может, он деньги с нами послал. Зачем нам тогда в Реутово переться?

– Правильно, – поддержал его другой, – давай проверим.

Карим пододвинул к себе чемоданчик. Посмотрел на замок.

– Закрыт на ключ, – пояснил он.

– Бросай мне, – предложил сидевший у дверей бородатый боевик, – я сумею открыть.

Карим ногой толкнул чемоданчик к нему. Тот достал из кармана нож, начал ковыряться в замке.

– Не сломай замок, – усмехнулся Карим, – тоже мне специалист. Лучше бы стрелял точнее. Этот капитан из-за тебя достал наших ребят.

– Я хорошо стрелял, – возразил бородач. – Кто мог подумать, что он будет стрелять в падении. Я такого не ожидал.

– Нужно было ожидать, – зло заметил Карим. Он впервые подумал, что Седому не следовало выходить из этой машины. Они вполне могли доехать до Реутово все вместе. Карим подозрительно посмотрел на непонятный чемоданчик. Может, там действительно деньги?

– Кажется, открыл, – радостно улыбнулся бородач. И это были последние слова, прозвучавшие в автобусе. Взрывной волной автобус подбросило, буквально разворотив всю его внутренность. Двоих людей сразу разорвало на куски. Еще двое погибли от удара взрывной волны, вылетев из автомобиля. Карим, сидевший в углу машины, был отброшен на тротуар, где лежал, задыхаясь и хватая губами воздух. Он понял наконец, чему улыбался Седой, когда он просил у него прибавки. Седой точно знал, что больше не придется платить ни одного доллара. Карим умер через несколько минут после взрыва. Последние его мысли были о неполученных деньгах. Это волновало его даже больше предательства Седого.

Москва. 9 часов 41 минута

После того как генерал Зароков назвал фамилию исчезнувшего офицера и после реплики министра обороны в кабинете наступило гнетущее молчание. Лодынин и Колесов быстро переглянулись. С другой стороны стола на них неприязненно смотрел генерал Орлов. Он давно уже метил на должность самого Колесова и не любил чересчур самостоятельного начальника военной разведки. Генерал Семенов нахмурился, а генерал Масликов с облегчением отметил, что исчезнувший офицер не принадлежит к его ведомству.

Зароков и Борисов по-прежнему стояли, ожидая следующих слов министра обороны. Тот понял, что, сказав первую фразу, обязан сказать и вторую.

– Контейнер нужно найти, – приказал он тоном, не терпящим возражений, – найти немедленно. И найти вашего офицера. Этого предателя-негодяя.

– Найдём, – уверенно сказал Зароков. – На контейнере установлен специальный маяк, своего рода отражатель лучей, которые есть на наших самолетах. Мы уже связались с Московским военным округом, нашли Арзамасцева. Я думаю, через полчаса, самое большее через час, мы сумеем через сеть нашей противовоздушной обороны, задействовав наши спутники наблюдения, выяснить, где именно находится контейнер.

Министр нахмурился. Внешне все правильно. Но почему Зароков осмелился давать указания Арзамасцеву без его ведома? Командующий Московским военным округом – это не просто командир нескольких воинских соединений. Это человек, от которого во многом зависит состояние безопасности столицы, а значит, и всего государства. И те войска, которые находятся под его командованием, значат всегда гораздо больше, чем вся остальная армия.

– Кто звонил Арзамасцеву? – хмуро спросил он, словно это было единственное, что его волновало.

– Я попросил позвонить ему генерала Масликова, – доложил Зароков. Масликов быстро встал:

– Мы не могли долго ждать. У нас были такие потери. И я доложил начальнику Генерального штаба и получил его разрешение.

Колесов кивнул головой.

«Тихоня», – с неожиданной ненавистью подумал министр и уже вслух сказал:

– В таком случае приказываю. Для координации всех действий...

Генерал Квашов быстро придвинул к себе блокнот. Вот теперь начинаются его заботы.

– Ничего не нужно записывать, – вдруг строго сказал министр, – все, что я говорю, касается только присутствующих здесь офицеров.

Квашов испуганно посмотрел на него. Такого за эти три месяца ни разу не случалось. Даже когда речь шла о сверхсекретных ядерных объектах на территории страны. Или о совершенно секретном докладе начальника Главного оперативного управления. Что же все-таки происходит? Или этот похищенный контейнер, очевидно, с запасами какого-то биологического оружия настолько важнее всего остального?

– Приказываю, – глухо продолжал министр обороны, – составить оперативную группу в составе... – Он помолчал немного, словно собираясь с мыслями. – Генералов Лодынина, Семенова, Зарокова, Масликова, Лебедева, когда вы его найдете. Руководителем группы назначаю генерала Колесова. Докладывать о ситуации каждые три часа. Я свяжусь с Министерством внутренних дел, попрошу их оказать необходимое содействие.

– Может, лучше позвонить и в мэрию Москвы? – предложил начальник Генерального штаба. – В городской милиции уже обо всем знают. И в городском управлении ФСБ тоже.

– Нет, – резко возразил министр, – не нужно туда звонить. Еще утром начнут пороть горячку, – подумал он с раздражением. – Может, преступники думали, что в машине перевозят

деньги. Или контейнер быстро найдут. А если сказать мэру, то он сразу доложит Президенту, и вся история станет известной. Хотя Президенту мог позвонить и министр внутренних дел. Впрочем, нет. Он наверняка еще не знает масштабов случившегося. Чтобы оценить размеры катастрофы, нужно знать, что лежало в контейнере».

– Нет, – повторил министр, – пока не нужно никому ничего говорить. Прошу группу начать работу немедленно. Генералу Орлову быть на месте, чтобы в случае необходимости проработать весь комплекс мер, необходимых для успешного расследования. Найдите Марченко, пусть будет на месте. – Генерал Марченко был начальником управления по международному военному сотрудничеству. Министр посмотрел на часы. – В час дня я жду доклада о принятых мерах по обнаружению группы террористов и контейнера.

Генералы поднялись, выходя один за другим из кабинета. Остался на своем месте только генерал Квашов. Выходя из кабинета, Семенов с непонятной иронией посмотрел на начальника аппарата министерства, словно считая его здесь чужеродным телом. Квашов проигнорировал этот вызывающе наглый взгляд. Когда они остались вдвоем, министр долго молчал, словно собирался с мыслями. Потом посмотрел на своего начальника аппарата. Они вместе служили в одном военном округе, когда майор Квашов служил под командованием будущего министра. После своего назначения министр вспомнил про Квашова и сделал его начальником аппарата министерства, дав ему генеральские погоны. Квашов считался человеком министра и никогда этого особенно не скрывал. Часто даже в присутствии других лиц министр обращался к генералу Квашову на «ты». Вот и теперь он спросил:

– Все понял?

– Пропал какой-то контейнер с биологическим оружием? – спросил Квашов.

– Да, – кивнул министр, – из лаборатории. Его хотели вывезти и спрятать до того, как туда повезут американцев. Кто мог подумать, что все так получится! – Он стукнул кулаком по столу. – Это дурацкая практика демонстрации своих лабораторий. Тысячу раз просил Президента запретить эти визиты делегаций. Мы не бабочек разводим. Так нет. Он говорит, что это международное сотрудничество.

Раздался звонок селекторного аппарата из приемной.

– Генерал Лебедев в приемной, – сообщил дежурный.

– Пусть войдет, – разрешил министр. В кабинет вошел высокий худощавый мужчина лет пятидесяти. Узкое лицо, внимательный взгляд сквозь очки, тонкие четкие черты лица. Небольшая полоска усов. Он был одет в штатский костюм, тщательно выбрит. Генерал Квашов, ранее всегда занимавшийся хозяйственными вопросами, с удивлением заметил довольно модный галстук и очень дорогие очки. К его удивлению, министр поднялся из-за стола. Такой чести редко удостоивались и заместители министра. Министр сделал несколько шагов по направлению к вошедшему.

– Садитесь, – предложил министр. Вошедший генерал сел напротив генерала Квашова. Он поздоровался с ним коротким кивком головы. Не фамильярно, но подчеркнуто корректно. Генерал Квашову очень не понравился: он держался как-то слишком самостоятельно. В этом кабинете военные так себя не вели. И уж тем более не смели являться к министру обороны одетыми в штатское.

– Вы уже слышали, что случилось? – спросил министр.

– Мне позвонили на дачу, – кивнул Лебедев, – я выехал оттуда полчаса назад. Но подробности я пока не знаю.

– Контейнер похищен, – сказал министр, – есть убитые и раненые. Террористы потеряли троих людей. Пока мы не нашли, куда делся этот контейнер. Но, кажется, вместе с ним сбежал и один из офицеров генерала Зарокова.

– Плохо, – пробормотал Лебедев, – это очень плохо. Есть шансы найти или обнаружить террористов?

– Их сейчас ищут, – недовольно сообщил министр. – Я включил вас в специальную оперативную группу по расследованию. Вы считаете, что это очень опасно? – тревожно спросил он.

– Я могу говорить? – спросил Лебедев, кивая на Квашова. Тот побагровел. В министерстве все должны были знать, кто такой генерал Квашов. А этот интеллигентный генерал строит из себя дурака. Ведь наверняка в приемной ему сообщили, кто именно сидит в кабинете министра обороны.

– Можете, – кивнул министр.

– Это штамм ЗНХ. Самый опасный вирус, который был к тому же получен в лабораторных условиях. Человеческий организм не имеет иммунитета против ЗНХ. В контейнере обычно находились три ампулы. Если хотя бы одна из них будет разбита в городе... – Лебедев запнулся и дальше твердо закончил: – В начавшейся эпидемии может погибнуть примерно четверть населения Москвы и окрестных районов. И это только в том случае, если мы сразу примем действенные меры. В остальных случаях потери могут быть еще более ужасными. Погибнуть может до половины всего населения столицы. Это оружие возмездия. Абсолютное оружие, которое можно применять только в случае полного поражения. Это хуже ядерной бомбардировки города.

Министр судорожно вздохнул. Поперхнулся. Закашлял.

– Вам плохо? – вскочил со стула Квашов.

– Ничего, ничего, – отмахнулся министр. Начальник аппарата министерства знал, что все его благополучие и дальнейшая карьера зависят от здоровья министра. Он быстро взял со стола бутылку минеральной воды, резким движением руки отвинтил пробку и, налив в стакан воды, протянул его министру. Тот, благодарно кивнув, залпом выпил воду. Поставил стакан на столик и хмуро спросил у Лебедева:

– Значит, ничего нельзя сделать?

– Если они разобьют ампулы – ничего, – твердо сказал генерал. Министр нервно заерзал на своем месте.

– Что нам делать? – спросил он наконец.

– Искать контейнер и террористов, – последовал быстрый ответ.

– Я включил вас в группу по оперативному расследованию случившегося, – повторил министр. – Дежурный офицер в приемной покажет вам, куда они пошли. Я приказал выделить вам несколько кабинетов прямо в министерстве. Постарайтесь что-нибудь сделать, – неожиданно для себя сказал он, обращаясь к генералу. Тот встал и, кивнув головой, вышел из кабинета, даже не попросив разрешения выйти, как должен был сделать младший по званию. Министр закрыл глаза, помассировал сердце. Оно у него раньше никогда не болело.

– Этот Лебедев, видимо, ученый, – понял генерал Квашов.

– Хороший ученый, – кивнул министр, – он член-корреспондент Академии наук. Известный во всем мире биолог.

– Я это понял. Поэтому я никогда не слышал о таком генерале.

– Его работы засекречены, – вздохнул министр. Он поднял трубку правительственного телефона и набрал номер прямой связи с министром внутренних дел. Трубку поднял дежурный офицер.

– Мне нужен Евгений Алексеевич, – сказал министр обороны.

– Кто это говорит? – не узнал его дежурный. Министр назвал свою фамилию.

– Извините, – сказал дежурный, – он на даче. У него там другой телефон.

– Я знаю, – сказал министр, уже набирая другой номер. На этот раз ждать пришлось долго. В воскресное утро министр внутренних дел, очевидно, предпочитал немного поспать. Наконец он поднял трубку.

– Что случилось? – недовольным голосом спросил он.

– Это я говорю, Женя, – сказал министр обороны, – у нас ЧП. Настоящее ЧП. Ты должен срочно ко мне приехать.

– С ума сошел. Сегодня воскресенье. Что случилось?

– Я тебе говорю, что случилось ЧП. Приезжай немедленно.

– Война, что ли? – пробормотал министр внутренних дел.

– Хуже, – мрачно сказал его собеседник, – приезжай немедленно. Ты что, ничего не слышал?

– А что произошло?

– Я думал, твои дуболомы тебе уже доложили.

– Говори, что случилось?

– У нас утром было нападение на наш конвой. Пострадало несколько офицеров. Нападение было организовано с помощью автомобиля ГАИ. Видимо, были убиты или заменены твои сотрудники.

– Тоже мне новость! – заметил министр внутренних дел. – У нас каждый день такое ЧП случается. Из-за этого меня и будить не станут. Убитых много?

– Восемь человек.

– Тогда ничего страшного. Я дам указание, чтобы выделили хороших ребят из МУРа.

– Какой МУР? – закричал министр обороны. – Я тебе не про убитых говорю. У нас тут такое дерьмо, а ты мне – МУР. Приезжай немедленно. Я же тебе говорю, что это очень важно. Может случиться страшная трагедия. Не все можно говорить по телефону, Женя.

– Да-да, конечно, – понял наконец главный милиционер страны. – Я буду у тебя через полчаса. Сейчас вызову вертолет.

Министр обороны положил трубку. Нужно звонить в ФСБ, обреченно подумал он. Наверняка ни министру внутренних дел, ни директору ФСБ ничего не докладывали о случившемся. Во-первых, сегодня воскресенье. Во-вторых, число убитых не так велико, чтобы говорить о случившемся. В-третьих, погибли военнослужащие, а это считается внутренним делом самих военных, в которое ни ФСБ, ни МВД не станут вмешиваться. Никто из них пока ничего не знает о контейнере. Но звонить в ФСБ все равно нужно. Это значит, что почти сразу об этом узнает и Президент. Директор ФСБ обязан докладывать о подобных вещах незамедлительно. Может, лучше самому позвонить Президенту? Или все-таки разделить эту ответственность на троих? Придется звонить директору ФСБ.

Это правильнее всего. Но все равно, если произойдет что-нибудь ужасное, отвечать за все будет только он – министр обороны страны. В конце концов контейнер похитили именно у его людей, перебив охрану, состоящую из военнослужащих. И контейнер был вывезен из лаборатории Министерства обороны. А про машины сопровождения ГАИ никто и не вспомнит.

В этот момент раздался звонок аппарата правительственной связи. Министр обороны вздрогнул и поднял трубку. Но, услышав голос говорившего, он даже успокоился, словно худшее уже состоялось. Это был сам директор Федеральной службы безопасности.

– Добрый день, генерал, – сказал он весело. – Как у тебя дела, военный министр?

– Ничего, – пробормотал министр обороны. – Чего это ты в воскресенье утром на работе?

– А я решил последовать твоему примеру. Тоже выйти на работу. Меня наши нашли и срочно вызвали. Говорят, что-то непонятное происходит в твоём ведомстве. С раннего утра машины подъезжают к министерству, вертолеты летают. У вас маневры в здании Министерства обороны или вы всегда так работаете?

«Уже донесли, – зло подумал министр. – Конечно, в министерстве обязательно должны быть стукачи из ФСБ. Они ведь больше всего боятся военного переворота. А тут с раннего утра действительно вертолеты летают. И слишком много генералов приехало на работу. Хорошо работают эти специалисты. Сразу все засекли. Лучше бы так против террористов боролись. А Семенов, надутый дурак, опять ничего не заметил».

– Твои ребята и за мной тоже следят? – угрюмо спросил он.

– Нет, конечно, – неприятно засмеялся директор, – просто у нас служба такая. Все обо всех знать.

– О нападении на наш конвой уже слышал?

– Конечно. Сообщение пришло в наше городское управление. Там говорят: твоих ребят постреляли. Но это ваше внутреннее дело. Нападение было у военного городка. И стреляли в основном в твоих контрактников.

– Все он знает, – вдруг храбро передразнил своего собеседника министр. – Ничего ты не знаешь. Лучше бы не за моими генералами следил, а за террористами. Если хочешь, приезжай ко мне, я тебе такое расскажу, что ты спокойно сидеть больше не сможешь. Проспали твои пинкертонеры самое главное. Только машины и вертолеты увидели.

Директор почувствовал, что произошло нечто серьезное. Министр обороны никогда не позволял себе разговаривать в таком тоне с всемогущим директором ФСБ. Министр был всего-навсего генералом, назначенным на чиновничью должность. Он был членом правительства и мог слететь в любой момент со своей должности, когда меняли правительство либо так хотелось Президенту. А директор был доверенным лицом Президента и не подчинялся никому, кроме него. И значит, стоял в иерархии рангов значительно выше любого министра. И мог позволить себе знать все о других силовых министрах, находящихся под его негласным контролем.

– Я приеду, – серьезно сказал директор, – я сейчас приеду к тебе. – Он положил трубку и посмотрел на стоявшего перед ним руководителя аналитического управления ФСБ.

– Что у них там случилось? – спросил директор. – Срочно узнай и позвони. Я буду в автомобиле. У тебя десять минут времени, пока я доеду до здания Министерства обороны. Там, видимо, случилось что-то неприятное. Он никогда со мной так не разговаривал.

Начальник аналитического управления быстро, кивнув головой, вышел из кабинета директора ФСБ.

Москва. 10 часов 12 минут

Собравшиеся за столом генералы слишком четко осознавали ответственность, чтобы не понимать, что именно может произойти в Москве в случае небрежного обращения с контейнером или, еще хуже, умышленного террористического акта. Но даже они были поражены, когда пришедший последним генерал Лебедев в излишне спокойной, даже несколько академической манере изложил действие ЗНХ на человека. Испуганные генералы переглядывались друг с другом, уже представляя всю глубину опасности, которой подвергались не только они, но и их семьи, близкие, родные. Первым делом хотелось вскочить и бежать к своей семье, попытаться спасти их, успеть вывезти из Москвы, отослать куда-нибудь в другой город. Вторым осознанием степени опасности было понимание того факта, что от биологического оружия не может быть надежной защиты не только вне Москвы, но и нигде в мире.

Колесов, исправный служака и штабист, всю жизнь честно протрубивший в штабах различного рода соединений, был вообще взволнован более других. Он никогда не руководил подобной операцией, он даже не мог представить, с чего следует начать. Но в комнате были профессионалы – Лодынин и Семенов. Они и начали разговор сразу после завершения доклада Лебедева.

– Необходимо подключить к расследованию МВД и ФСБ, – жестко сказал Семенов, – ввести чрезвычайный режим в городе, отрезать Москву от остальных городов. Взять под наблюдение шоссе, дороги, аэропорты, вокзалы, речные порты. Взять город в кольцо силами Московского военного округа. Если понадобится, задействовать все силы военно-десантных соединений. Подтянуть бронетехнику с конкретным указанием, против чего должны выступить наши воинские части. Объяснить им механизм поражения человека штаммом ЗНХ. Начать нужно немедленно.

– Не получится, – возразил Зароков. – На развертывание такой армады уйдет не меньше восьми-десяти часов, а может, и больше. За это время террористы могут увезти контейнер куда угодно далеко. И уже оттуда предъявить нам ультиматум. Нужно придумать другие, более действенные методы. Нужно искать террористов.

– Где их искать? – закричал Семенов, уже привыкший к тому, что все обвинения звучат обычно в адрес военной контрразведки. – Разве можно найти несколько человек и небольшой черный ящик в городе, население которого превышает десять миллионов? Если бы вы его хотя бы сделали радиоактивным или с каким-нибудь сигналом, мы могли бы попытаться. Но так все бесполезно.

– На контейнере установлены наши контрольные приборы, – обиделся Зароков, – если террористы их не уничтожили, они должны дать о себе знать. Мы уже сообщили обо всем в Московский военный округ. Сейчас они пытаются найти контейнер, подключив к этому всю систему противоракетной обороны и спутниковое наблюдение.

– В таком случае у нас еще есть шансы найти этот контейнер, – выдавил Колесов.

– Не думаю, – строго сказал сидевший напротив генерал Лодынин, – это было не просто нападение. Это была спланированная террористическая акция, направленная на захват контейнера с грузом. Вы ведь должны были понять, что действовали далеко не новички. А раз так, значит, их уже где-то готовили, обучали, собирали. И самое главное – абсолютно точно знали, что именно находится в контейнере и как с ним обращаться.

– Все-таки нужно подключить профессионалов из Федеральной службы безопасности, – вставил генерал Масликов, – они для этого и работают, чтобы такие трудные задачи решать. Другого выхода у нас сейчас нет.

– Да, – сразу обрадовался Колесов, сознавая, что можно разделить свою персональную ответственность и вину армии за потерю контейнера вместе со службой безопасности и Министерством внутренних дел, – нужно связаться с их руководством.

– Это ничего не даст, – упрямо сказал Лебедев, – мы потеряем время. На координацию усилий уйдет еще несколько часов, после чего начнутся межведомственные склоки. Нужно просто найти хорошего специалиста и поручить ему расследование этого дела.

– Хорошего специалиста? – взвизгнул Колесов. – Вы хотите, чтобы мы все вылетели отсюда как пробки? Что может сделать в одиночку ваш хороший специалист? Он будет бегать по всей Москве, стараясь найти террористов? Времена гениальных сыщиков прошли. Сейчас нужна грамотная операция с подключением всех имеющихся у нас возможностей.

Все пять генералов сидели за круглым столом. Во главе стола сидел Колесов. Рядом с ним по бокам Семенов и Масликов. Лебедев и Лодынин находились дальше и как бы составляли противоположную пару.

– Нужен специалист, – упрямо сказал Лебедев, – без такого человека мы не добьемся успеха.

Раздался телефонный звонок аппарата прямой связи с командующими родами войск. Колесов снял трубку.

– Вас, – передал он трубку генералу Масликову. Тот взял трубку, выслушал сообщение дежурного офицера и, просветлев лицом, бросил ее на телефон.

– Звонил командующий Московским военным округом генерал-полковник Арзамасцев. Они сумели засечь контейнер. В настоящее время наблюдение ведется со спутника. Предположительно контейнер направляется в юго-восточный район города Москвы.

Колесов обрадованно посмотрел на сидевших в кабинете генералов. К его досаде, радовался только Масликов. Генерал Зароков просто пожал плечами. Он знал, что найти контейнер – только половина задачи. Его еще нужно будет и обезвредить. Семенов презрительно скривил губы, словно не верил в возможность наблюдения со спутника. Лебедев, как всегда, оставался спокоен, словно речь шла о чисто академическом споре. И только Лодынин загадочно улыбнулся, словно радовался совсем не тому, что контейнер был обнаружен.

– Слишком быстро, – словно подтверждая мысли Колесова, сказал начальник ГРУ. – Здесь что-то не то. Нужно проверить еще раз.

Колесов поднял трубку.

– Арзамасцева, – потребовал он у дежурного офицера. Через несколько секунд трубку поднял командующий округом. Это был давний друг начальника Генерального штаба. Они вместе оканчивали Академию Генштаба и вместе служили еще двадцать лет назад в одной дивизии, когда Колесов был начальником штаба дивизии, а Арзамасцев – командиром полка в этой дивизии.

– Коля, – прохрипел в трубку Колесов, – что там у тебя с этим контейнером? Его действительно увидели со спутника?

– Мне докладывал командующий противовоздушной обороны Москвы генерал Петров. Говорит, сумели сразу обнаружить и взять под непрерывное наблюдение. Объект движется в сторону Юго-Запада Москвы. Ведем непрерывное наблюдение.

– Может, спутали что-нибудь? – на всякий случай спросил Колесов. Он слабо разбирался в подобных вопросах.

– Ни в коем случае. Сигнал четкий, наши офицеры не могли так напутать.

– Не потеряете?

– Конечно, нет. Через десять-пятнадцать минут сумеем точно установить, где именно находится ваш объект. А потом наведем на цель. Можете уничтожить его хоть одной ракетой.

– Уничтожать не надо, – быстро сказал Колесов, – мы здесь не в войну играем, генерал.

Арзамасцев понял, что несколько зарвался. С вечера у него сидели друзья, и он принял слишком много. Он и теперь сидел перед стаканом горячего сладкого чая, чувствуя, как сильно болит голова.

– Вас понял, товарищ генерал, – строго и официально закончил Арзамасцев. – Будем вести объект по его маршруту. Через десять минут доложу, где именно он находится.

Колесов положил трубку.

– Надеюсь, у вас есть нормальные ребята, которые могут отбить этот контейнер без лишнего шума? – ядовито спросил он у генералов Семенова и Лодынина. Те переглянулись.

– Есть, – сказал за Семенова Лодынин, – у нас есть группы спецназа. Но я считал пока нецелесообразным использовать их. Мы еще не имеем представления, с кем именно и против кого посылаем наших сотрудников.

– Очень хорошо, – обрадовался Колесов, – обойдемся на этот раз без специалистов из ФСБ и МВД. Пусть поучатся у нас, как нужно такие дела расследовать. Прикажите вашим людям, генерал, быть наготове.

Лодынин понял, что возражений все равно не примут, и поднял трубку телефона, отдавая приказ. Колесов подумал еще немного и поднял другую трубку. Это был прямой телефон министра обороны.

– Товарищ министр обороны, – торжественно доложил Колесов, – ваше задание выполнено. Контейнер с грузом уже обнаружен силами нашей противовоздушной обороны и готов к захвату. Через десять минут генерал Арзамасцев обещал уточнить, где именно находится автомобиль с похищенным грузом.

– Хорошо, – обрадованно сказал министр, положив трубку. У него в кабинете сидел директор ФСБ.

– Кажется, хорошие вести? – холодно спросил директор.

– Отличные! – радостно воскликнул министр. – По-моему, все в порядке.

– Уже нашли твой контейнер? – презрительно спросил директор. Он только недавно вошел в кабинет, но по дороге в министерство ему успели доложить, что было совершено нападение на воинскую колонну и был похищен какой-то контейнер.

– Нашли, – хитро подмигнул ему министр, – и без твоих специалистов нашли. А то ты приехал ко мне и сразу меня за горло берешь, хочешь показать, как твои чекисты работают умеют. Мои не хуже работают.

Раздался звонок селектора.

– К вам поднимается министр внутренних дел, – доложил дежурный офицер из приемной, – он только что прошел проходную.

– Хорошо. – Генерал чувствовал себя на коне. – Когда он придет, дашь нам чаю. И варенье хорошее принеси. На той неделе было такое, брусничное.

– Слушаюсь.

В кабинет вошел министр внутренних дел. Короткая стрижка, всегда угрюмое лицо делали его отчасти похожим на тех зеков, с которыми ежедневно сталкивались его сотрудники. Ведь давно известно, что со временем хозяин и собака приобретают схожие черты. Очевидно, то же относилось и к милиции с ее контингентом.

– Доброе утро, – недовольно сказал главный милиционер. – Чего горячку такую порол? Искал меня повсюду. Зачем понадобился? – Он взял стул и сел напротив директора ФСБ. Под впечатлением хороших известий и присутствия в кабинете директора ФСБ и министра МВД хозяин кабинета почувствовал себя почти вице-президентом страны. И хотя такого поста уже давно не было в стране, тем не менее было очень приятно сидеть во главе стола, принимая таких влиятельных людей в своем кабинете.

– Так что случилось? – спросил министр внутренних дел.

– Нападение случилось сегодня утром на нашу колонну, – пояснил министр обороны, – было много убитых и раненых. И самое главное, что пропал контейнер из нашей лаборатории.

– Что за контейнер? – как бы невзначай спросил директор ФСБ. Хозяин кабинета усмехнулся.

«Хитришь, стервец, – подумал он, – знаешь, что взяли, но пока не узнал, что там было внутри. И дурачка из себя строишь. Не выйдет».

– Да наш обычный контейнер с отходами из лаборатории, – махнул рукой министр обороны. – Конечно, ничего страшного быть не могло, но мы беспокоились, мало ли что. И потом столько убитых. Нападение почти в самой Москве. Это ведь самое настоящее ЧП. Поэтому я и приказал найти тебя, Евгений Алексеевич.

Министр внутренних дел хмуро кивнул головой. Он с неудовольствием подумал, что ЧП все-таки произошло и теперь нужно будет докладывать Президенту.

В этот момент в другом кабинете снова прозвучал звонок. Арзамасцев доложил Колесову, что автомобиль с контейнером изменил направление и теперь едет в другую сторону. Но приблизительное движение уже было зафиксировано. Теперь оставалось только взять контейнер, отбив его у террористов. Колесов снова поднял трубку аппарата телефона министра обороны.

– Мы установили точно, где находится контейнер, – немного торжественно сказал он, – мы готовы начать действовать.

– Начинайте, – разрешил министр, – и сразу сообщите мне о результатах.

Он с удовольствием подумал, как утрет нос министру внутренних дел и особенно директору Федеральной службы безопасности, который считал, что только специалисты его антитеррористического центра могут решать подобные вопросы.

«И все расследование заняло лишь несколько часов, – радостно подумал министр. – Вот как нужно работать».

Москва. 10 часов 29 минут

Они сидели, уже надев на себя свою тяжелую амуницию и приготовив оружие. Все четыре вертолета стояли на площадке, ожидая приказа на взлет. Рота состояла из четырех специальных отделений, каждое из которых было, по существу, самостоятельным тактическим подразделением, способным действовать в любой обстановке. Командир спецназа полковник Комаров стоял с рацией в руках. Он ожидал сигнала начать захват контейнера. Его уже предупредили, что груз чрезвычайной важности и не должен пострадать во время захвата.

Каждый из сидевших в вертолетах людей уже успел надеть бронежилет, каску, проверить оружие, средства связи. У сотрудников спецназа связь осуществлялась через каналы спутниковой связи, которые могли обеспечить достаточно устойчивую связь в любой точке Москвы. Кроме того, у офицеров спецназа были достаточно автономные и мощные средства топопривязки, позволяющие определять достаточно точно любые координаты в системе пространства во время действий их групп.

В эти минуты сидевшие в штабе Московского округа ПВО офицеры наблюдали на своих экранах за перемещением контейнера, перевозимого в автомобиле. На экранах довольно четко были видны не только автомобиль джип «Чероки», медленно въезжавший во двор, но и сидевшие в нем двое людей. Оба террориста вышли из автомобиля. У одного в руках был тот самый контейнер.

Изображение передавалось в Министерство обороны, где в одном из наблюдательных залов за террористами следили генералы Колесов, Семенов, Лодынин, Зароков, Лебедев. Начальник ГРУ все время хмурился. Ему не нравилась вся эта операция с самого начала. Ему не нравились эти поспешные действия генералов, этот легко обнаруженный контейнер, привлечение к его поиску группы сотрудников спецназа.

Террористы прошли через весь двор и вошли в дом. Начались стремительные съемки аппаратуры, увеличение фотографий террористов, еще одно увеличение. Лица обоих террористов. Данные немедленно поступали в компьютерную сеть. Сидевшие за пультом офицеры военной контрразведки сразу передавали данные в информационный центр МВД, откуда почти сразу стали поступать расшифровки на обоих террористов, вошедших в дом.

Колесов довольно кивал головой. На него приятно действовал весь этот хорошо отлаженный механизм. Семенов довольно улыбался. Масликов, уже осознавший, что все забыли о просчетах его людей, тоже начал улыбаться. Только Лебедев сидел на стуле, привычно не меняясь в лице. А Зароков все время звонил в хранилище, требуя приготовить экспертов для проверки герметичности контейнера, словно его уже захватили.

– Они вошли в дом, – доложил Арзамасцев, еще раз позвонив Колесову, словно они не видели всего этого на своих экранах.

– Пора, – сказал начальник Генерального штаба, испытующе глядя на начальника ГРУ. Колесова начало смущать негативное отношение Лодынина ко всему происходящему. Сам прекрасный штабист и хороший специалист, Колесов привык доверять специалистам, а Лодынин был, безусловно, лучшим в своей области. Но он был явно недоволен происходящим.

– Да, – сказал генерал, поднимая трубку телефона. На прямой связи с ним был полковник Комаров.

– Начинайте, – тихо сказал Лодынин и, все-таки не сдержавшись, прибавил: – Будьте осторожны.

– Есть начинать. – Комарова несколько удивили последние два слова обычно неэмоционального начальника ГРУ. Он не знал, что в Министерстве обороны включены динамики и его голос слышен всем присутствующим в кабинете генералам. Он махнул рукой своим, подбегая к первому вертолету.

– Пошли!

Вертолеты один за другим взлетали с площадки.

– Первый, я Третий, идем нормально.

– Третий, вас понял. Объект находится в доме по улице маршала Катукова. Они вошли в дом, и мы не знаем, в какой именно квартире они находятся.

– Вас понял, Первый. Проверим все квартиры в блоке. Какой дом?

– Дом номер шесть. Будьте осторожны, Третий, там на первом этаже расположена химчистка.

– Первый, повторите, что вы сказали. Я не совсем понял. При чем тут химчистка?

– Там могут быть разного рода химические вещества. Вы меня понимаете, Третий? Они могут легко гореть. Будьте осторожны. В доме находится контейнер.

– Учтем, Первый. Все понятно.

Вертолеты продолжали лететь к цели. Офицеры штаба Московского ПВО следили за полетом крылатых птиц, видя, как совмещаются точки на экранах дисплеев. Лодынин, нахмурившись, смотрел, как на левом экране появляется информация из МВД. Первый из вошедших в дом был Никита Маясов по кличке Мясник. На экране высвечивалась информация о трех его судимостях – за воровство, грабеж и снова воровство. Второй из вошедших был Сергей Шабанов, который был несколько раз осужден за мошенничество, сводничество и тому подобные преступления. Лодынин читал информацию, с возрастающим недоумением глядя на экран. Вертолеты зависли над домом. Из двух машин вниз были опущены веревочные лестницы. Третий вертолет завис недалеко от дома, и из него уже прыгали на землю сотрудники спецназа. Полковник Комаров прыгнул вместе с ними. Двое ребятишек, игравших во дворе, с удивлением, смешанным с восторгом, смотрели на пробегающих по двору вооруженных людей, казалось, возникших из воздуха. Комаров показал на ребят одному из своих сотрудников, и тот, правильно поняв указание, остался во дворе, чтобы обеспечить безопасность проходивших мимо людей и не пускать никого в дом. Еще двое сотрудников взяли под наблюдение вход в блок и балконы на этажах. У полковника в руках был специальный прибор «Линок-С», который помогал обнаружению предметов высокочастотного излучения. Контейнер передавал все время сигналы, которые можно было уловить и на этом приборе. Они вошли в здание. Вертолеты замерли над домом. Лодынин продолжал читать сообщения, все еще не понимая, что его так волнует. Комаров поднимался вверх по лестнице. За ним осторожно шли спецназовцы. Первый этаж – ничего. Сообщение из МВД закончилось.

– Типичные преступники, – гневно сказал Колесов.

Типичные, подумал Лодынин, начиная понимать, что именно его волнует. Второй этаж. По-прежнему ничего. Комаров следил за прибором, поднимаясь по лестнице. Лодынин вдруг понял. Понял, что именно его волновало. Масштаб преступников, их легкое обнаружение, их быстрая идентификация. Все это не соответствовало тяжести совершенного нападения. Он бросился к телефону. На третьем этаже прибор начал издавать сигналы. Ближе, ближе. Они были в этой квартире.

– Приготовиться, – сказал Комаров, делая знак шедшим за ним сотрудникам. Один из них передал, в какой именно квартире находится контейнер. Оба вертолета развернулись таким образом, чтобы сотрудники спецназа, спускающиеся вниз, оказались на уровне этих окон. Комаров встал у дверей. Один из его сотрудников постучал. Лодынин поднял трубку.

– Всем уходить! – вдруг громко закричал он. – Приказываю всем немедленно уходить!

Комаров увидел, как один из его офицеров сделал знак рукой.

– Приказано всем уходить, – услышал полковник. Комаров, еще не понимая, что происходит, замер. И в этот момент раздался чудовищный взрыв. Взрывной волной буквально выбило дверь, которая упала на одного из офицеров. Еще двое были легко ранены осколками. Застывшие наверху вертолеты почти не получили повреждений. Летчики первой машины сумели

удержать высоту. Но вторая машина находилась слишком близко к земле. Взрывная волна и огонь вырвались именно в этом направлении наиболее сильно. Летчик, следивший за тем, чтобы не задеть дерево, испуганно выпустил из рук управление и почувствовал, как ударная волна разворачивает его вертолет. Удержать машину он уже не сумел, и она рухнула на землю, вызвав второй взрыв и похоронив сразу десять человек спецназовцев. Генералы, стоящие рядом с Лодыниным, решили, что он просто сошел с ума. Колесов недовольно нахмурился.

– Третий, – закричал Лодынин, – отвечайте Пятому! У вас есть потери?

Были слышны треск и крики людей. Генералы растерянно переглядывались друг с другом. Наконец полковник Комаров доложил:

– Один тяжелораненый и двое легкораненых из группы захвата.

– И все? – не поверил Лодынин.

– Погиб один вертолет со всеми сотрудниками, товарищ генерал, – наконец доложил Комаров. – Они были слишком низко от земли. Их ударила взрывная волна.

Лодынин медленно опустил трубку.

– Это была ловушка, – убежденно сказал он, – они просто устроили нам такой сюрприз.

– Нужно объявить тревогу и оцепить место взрыва, – нервно сказал Зароков. – В контейнере было...

– В контейнере не было ничего, генерал, – довольно невежливо перебил его Лодынин. – Неужели вы до сих пор не поняли, что мы имеем дело с настоящими профессионалами?

Остальные генералы молча смотрели на него.

Москва. 10 часов 34 минуты

Они стояли у какого-то дома, беспомощно наблюдая за мучениями своего напарника. Пришедший в себя Вадим начал стонать, и так громко, что Равилю, сидевшему за рулем, пришлось въехать в какой-то тупик и остановиться. Здесь крики раненого были не так слышны. Они сделали ему укол морфия и теперь ждали, когда он наконец успокоится. Вместе с ними в автомобиле «Скорой помощи» сидел и незнакомый прежде боевик Седого, с которым они познакомились только в день нападения на колонну. Он был среднего роста, рябой, подвижный, все время скалившийся в какой-то неприятной улыбке. Если бы не разноцветные глаза, его, наверно, можно было назвать и красивым. Но неприятным он был точно. И это парням не очень нравилось.

Этот тип представился как Дима, а здесь не принято было спрашивать документов. Раз ему нравилось это имя, почему бы не называть его именно так. Равиль, маленького роста, с редкими, несколько курчавыми волосами, был скорее похож на студента, чем на наемника. Но все знали, что этот двадцатипятилетний татарин успел отличиться и в Абхазии, и в Чечне. А его напарник Игорь, наоборот, раньше служил по другую сторону фронта, воевал в Чечне контрабандником, а когда срок закончился, вернулся домой и успел попасть несколько раз в крупные неприятности, после чего его наконец заметил Карим и взял в свою группу.

После того как Равиль вкатил морфий Вадиму, они начали ждать, пока лекарство окажет свое действие. Дима почему-то вышел из машины и пошел смотреть, где они остановились. Игорь и Равиль остались ждать в машине. Уходя, Дима оставил свой чемоданчик в машине.

– Ты куда? – коротко спросил Игорь.

– Нужно осмотреться, – ответил этот тип и ушел, даже не обернувшись.

– Не нравится он мне, – вынес свое резюме Игорь.

– Мне тоже, – сплюнул Равиль. Он говорил по-русски с сильным акцентом. – Такие, как он, человека убьют и не заметят. Ты видел, как он все время прятался, старался под чужие пули не ходить? Правильно говорю – не ходить?

– Можно и так, – махнул рукой Игорь. – Кажется, заснул, – посмотрел он на тяжелораненого напарника. – Ему так досталось. Наверно, не выживет.

– А куда ушел этот Дима?

– Не знаю, но «дипломат» оставил.

– А что там? Может, наши деньги?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Игорь.

– Давай мне, – загорелся Равиль, – я такие замки в Казани открывал. Любой замок открою.

Игорь пододвинул ему «дипломат». Равиль повозился несколько секунд и открыл его с торжествующим видом.

– Смотри, – сказал он, улыбаясь.

– Бомба! – ахнул Игорь. – Здесь бомба. Зачем она ему?

Равиль наклонился.

– Действительно, бомба, – озабоченно сказал он, – но не включена. Наверно, хочет потом взорвать нашу машину.

– Может быть, – равнодушно согласился Игорь, закрывая «дипломат». Он его просто перестал интересовать. И в этот момент к автомобилю подошел Дима.

– Все в порядке, – сказал он, криво улыбаясь, – скоро за нами придет машина, и мы уедем к себе получать деньги. Ребята, там мой «дипломат» должен лежать, дайте мне его.

– Этот? – презрительно спросил Игорь. Он был высокого роста, широкоплечий, красивый. И потому сразу невзлюбил этого «разномастного» Диму, который был к тому же не из их

команды. Он протянул «дипломат» Диме. Тот, не влезая в автомобиль, открыл «дипломат», но так, чтобы его не видели двое сидевших в микроавтобусе «Скорой помощи». Чем-то щелкнул и снова вернул его Игорю.

– Положи на место. Передашь его Седому в Реутово.

– Хорошо, – кивнул Игорь, – садись, поехали. Наш раненый, кажется, заснул.

– Нет, – возразил Дима, – я должен уехать на другой машине. В общем, не забудьте, мы вас ждем в Реутово.

И, повернувшись, медленно пошел, намереваясь выйти на улицу. Игорь и Равиль переглянулись. Равиль, уже открывавший замок, наклонился к «дипломату».

– Тикает, – уверенно сказал он, – открывать нельзя, взорвется.

– Ах он сукин сын! – разозлился Игорь, доставая из кармана нож.

– Дима! – крикнул он, выпрыгивая из машины. – Дима, подожди, одно слово сказать нужно.

Дима, уже выходявший на улицу, остановился, чуть заколебался и сделал два шага назад.

– Чего тебе? – недовольно спросил он.

– Сейчас, – сказал Игорь и с размаху ударил негодяя ножом в живот. Тот даже не вскрикнул. Просто захлебнулся в собственном крике, издав какой-то гортанный звук и медленно оседая на землю.

– Так будет лучше, сука, – сказал Игорь, убирая нож. Дима лежал на земле, обхватив живот руками. Он был еще жив.

– Давай чемодан, – сказал Игорь, – оставим ему как сувенир. – И, осторожно достав чемодан, положил его рядом с лежавшим на земле Димой.

– Уезжаем, быстро! – приказал он, забираясь снова в микроавтобус. Машина выехала из тупика и, уже на улице развернувшись, поехала совсем в другую сторону. Дима лежал на земле. Вокруг него расплывалось большое красное пятно. Он чувствовал, как начинают неметь руки и ноги от большой потери крови.

Как глупо, шевелилось у него в голове. Седой ведь приказал никуда не отлучаться. А он просто вышел посмотреть, можно ли этих ребят взорвать прямо здесь. И так глупо подставился. Наверняка они открыли «дипломат» в его отсутствие. Собственно, на их жадности и строился весь расчет. Две бомбы были заложены и установлены в двух «дипломатах» таким образом, чтобы взорваться в случае, если кто-нибудь посторонний захочет открыть их. Но даже если люди Карима окажутся идеально честными, во что нельзя было верить, то и тогда «дипломаты» сами все равно должны были сработать ровно через двадцать минут. Вопрос смерти всей группы Карима был лишь вопросом времени. И он, Дима, так легко провалил все дело. Седой мне голову оторвет, думал он с огорчением. Предупреждал ведь, чтобы я был очень осторожен. Скосив глаза, Дима вдруг увидел стоящий рядом «дипломат». Он слишком хорошо знал, что там внутри. И поэтому, напрягая последние силы, хотел закричать. Но вместо крика изо рта вырвалось какое-то шипение. Тогда он, закрыв глаза, попытался уползти. Ему казалось, что он отодвигается от этой бомбы сантиметр за сантиметром, но каждый раз, когда он открывал глаза, «дипломат» был рядом с ним. Через несколько минут Дима просто устал. И, увидев снова «дипломат» с бомбой рядом с собой, обреченно подумал: ну и черт с ним! Взрыв разнес его в куски, избавив от лишней боли и страданий.

Москва. 10 часов 45 минут

Полковник Борисов был по натуре человеком сомневающимся. Доложив высшему руководству о случившемся, он понимал, что обязан предпринять необходимые меры для розыска исчезнувшего офицера из группы Ваганова. Именно поэтому, выйдя от министра, он сразу поехал к месту, где было совершено нападение на колонну, чтобы еще раз поговорить с оставшимися в живых солдатами, по-прежнему находившимися на месте, где погибли их товарищи.

Уже давно пришедший в себя подполковник Мисин бодро расхаживал среди горящих машин, давая конкретные указания и рассказывая всем о своем героизме, когда он лично едва не отбил контейнер у нападавших террористов. Впрочем, так бывает довольно часто, когда отличившиеся в бою офицеры и солдаты погибают, а их славу присваивают себе прохвосты. Может, в этом есть своеобразная логика, ибо высшая честь для воина – пасть на поле боя, а высшая награда для прохвоста – быть замеченным и отмеченным своим начальством.

Уже подъезжая к месту происшествия, полковник Борисов узнал, что контейнер обнаружен и группа спецназа готовится к его освобождению. Почему-то это не внушило уверенности полковнику. Он уже успел побывать на месте происшествия до того, как доложить министру, и чувствовал, что освобождение контейнера будет не столь легкой операцией, как считали его помощники, уже предвкушавшие обнаружение террористов и успешную операцию, гарантирующую всем участвующим в этой операции новые награды и звания.

Снова прибыв на место происшествия, Борисов с неудовольствием увидел, как здесь уже работают офицеры из антитеррористического центра ФСБ. Между военными и ФСБ существовало негласное соперничество, и представители Министерства обороны крайне ревностно относились к любым попыткам сотрудников ФСБ присвоить себе права работать и в их епархии. Военные не любили, когда в их дела особенно настойчиво лезли бывшие кагэбэшники, ныне называемые Федеральной службой безопасности.

Борисов узнал среди приехавших подполковника Абрамова. Это был заместитель генерала Дмитриева, руководителя антитеррористического центра ФСБ. Абрамов с какой-то особенно сладострастной улыбкой допрашивал солдат, оставшихся в живых после нападения. Словно это доставляло ему удовольствие. Заметив приехавшего, он любезно поздоровался.

– Вот прибыли к вам на помощь, – пояснил, неприятно улыбаясь, подполковник, – хотим помочь разобраться.

– Напрасно, – холодно сказал Борисов, – мы свое расследование могли бы провести и без вашей помощи.

– Но террористы – это уже наша забота, – веско напомнил Абрамов, – мы ведь еще не знаем, кто именно здесь действовал.

– Именно поэтому мы и ведем свое расследование, – парировал Борисов, – нападение было совершено на воинскую колонну и против наших офицеров и солдат. Я думаю, мы сумеем найти контейнер и тех, кто это сделал, достаточно быстро.

– Я бы на вашем месте не был столь уверенным, – ядовито заметил Абрамов. В этот момент к ним подошел подполковник Мисин. Он самоуверенно улыбался, уже успев позабыть о том, как именно он себя вел.

– Вот видите, – показал он обоим офицерам, ведущим расследование, куда-то вниз, в овраг, – там стояла еще одна машина террористов. Нужно искать автомобиль «Скорой помощи» и машину этого подлеца Звягинцева. Никогда не думал, что он окажется таким предателем.

– Он не предатель, – зло заметил Борисов, – его давно уже убили. Неужели вы ничего не поняли, подполковник?

Мисин не смутился. Теперь его ничего не могло выбить из колеи. Он остался жив после такого нападения.

– А ваш офицер? – взвизгнул он. – Тоже не предатель? Он ведь уехал вместе с нападавшими.

Мисин не стал уточнять, что пролежал весь бой в овраге, боясь поднять голову, и не мог видеть, как именно вел себя Сизов. Но и Борисов ничего не знал. Именно поэтому он не стал возражать подполковнику ГАИ. Формально тот был прав. Сизов действительно не был найден ни среди живых, ни среди мертвых. А зачем террористам захватывать мертвого офицера? В этот момент к нему подбежал один из его офицеров. Он улыбался, очевидно, собираясь сообщить хорошие новости.

– Наши операторы сумели найти контейнер, – пояснил офицер, – группа спецназа готовится взять контейнер и захватить террористов. Генерал Зароков просил, чтобы я сообщил об этом вам, товарищ подполковник.

– Поздравляю, – неприятно усмехнулся Абрамов. – Признаться, не ожидал от вашего ведомства подобной сноровки. Прекрасная работа, полковник. Кажется, вы скоро станете генералом.

Борисов пожал плечами. Ему не нравилось подобное решение операции. Судя по характеру нападения, террористы готовились очень тщательно и знали, что именно им предстоит захватывать. Почему тогда они не предусмотрели защиту от космического наблюдения со спутников? Не знали, что на контейнере установлен специальный маяк? Маловероятно. Тогда как можно объяснить подобный дилетантский прокол террористов?

– Не радуйтесь раньше времени, капитан, – строго сказал он своему помощнику, – давайте лучше подождем, чем все это кончится.

– Бойтесь сглазить? – усмехнулся Абрамов.

– Боюсь, – признался Борисов, подходя к обгоревшей машине. Повсюду продолжали работать эксперты. Военные, представители ФСБ. Даже сотрудники милиции. Их особенно интересовала исчезнувшая машина ГАИ. Один из экспертов, майор милиции, подошел к Абрамову, зная, что тот является одним из руководителей антитеррористического центра ФСБ.

– Мне только что сообщили, – тихо сказал он, – найдены трупы наших офицеров.

– Хорошо, – кивнул Абрамов, – продолжайте работать.

Борисов осматривал сгоревший «Крайслер». Труп капитана Буркалова давно увезли, но сгоревшее место и кровавые пятна на полу красноречиво свидетельствовали о случившейся трагедии.

– Они стреляли отсюда, – показывал Мисин, – наверняка знали, как лучше нападать. Ведь им все выболтал этот пропавший офицер. Он даже стрелял нашим в спину, – вдруг выпалил он, пугаясь собственной смелости.

– Да? – заинтересовался Абрамов. – Как это – стрелял в спину? Вы сами видели?

– Нет. Да. Да, я, кажется, видел, – забормотал Мисин. Борисов нахмурился. Он чувствовал, как врет этот подполковник ГАИ, но ничего не мог доказать. Солдаты, находившиеся в сгоревшей БМП, чудом уцелели и не видели, где находились другие офицеры в момент нападения на колонну. А два свидетеля – Панченко и Ваганов – давно были увезены в больницу. Причем Ваганов был в крайне тяжелом состоянии и, по словам врачей, в ближайшие несколько дней наверняка не придет в сознание. А Борисов четко сознавал, что террористы предъявят свой ультиматум уже в ближайшие несколько часов.

– Что было в похищенном контейнере? – поинтересовался вдруг Абрамов. – Какие-то ценности или это обычные ваши секреты?

– Груз из секретной лаборатории, – коротко ответил Борисов, не желая вдаваться в подробности.

– Мы нашли трупы сотрудников ГАИ, – хмуро сказал Абрамов. Борисов подозвал подполковника Мисина.

– Трупы ваших офицеров ГАИ уже нашли, – жестко сказал он, глядя прямо в глаза Мисину, – так что никакие они не предатели. Может, и насчет нашего офицера вы ошибаетесь?

Если бы Мисина спрашивал старший офицер ФСБ или МВД, он, возможно, и побоялся бы соврать. Но его спрашивал представитель военных, и поэтому он упрямо покачал головой. Борисов быстро прошел к лейтенанту, принимавшему сообщение из Министерства обороны. За ним поспешили Абрамов и Мисин.

– Ну что? – спросил подошедший Борисов.

– Уже начали, – доложил лейтенант, – мне приказали вам передать, что они начали.

– Когда?

– Пять минут назад.

– Узнайте, почему они так долго молчат?

– Ваш генералитет решил, очевидно, задействовать всю свою технику, – заметил Абрамов. Лейтенант наклонил голову, припадая к аппарату.

– Сколько было автомобилей у нападавших? – спросил Борисов у стоявшего рядом Мисина, игнорируя слова Абрамова.

– Внизу стоял микроавтобус, – показал подполковник, – была еще машина «Скорой помощи», наша машина ГАИ. Мы поэтому и остановились. Была эта перевернутая «шестерка» и рядом машины ГАИ и «Скорой помощи». наших офицеров смутили врачи в белых халатах и офицеры милиции. Они ведь думали, что здесь обычное дорожное происшествие.

– Эту машину «Жигули» вы успели проверить? – уточнил Борисов.

– Конечно. Ее угнали несколько дней назад. Номера поменяли, но по номеру кузова мы все уточнили.

– Товарищ полковник, – доложил встревоженный лейтенант, – там, кажется, что-то не так.

Борисов ничего не ответил. Он напряженно ждал, словно опасаясь услышать нечто страшное. И его худшие опасения сбылись.

– Там что-то случилось, – сказал лейтенант. – Они говорят, что там была засада. Погиб вертолет с группой спецназа. Много убитых и раненых.

Борисов замер, словно услышанное сообщение причинило ему неслыханную боль. Даже Абрамов, пожав плечами, отвернулся.

– Это тот самый предатель, – недовольно напомнил Мисин, – это он выдал нашу колонну террористам.

– Перестаньте, – не выдержал Борисов. Он обернулся к стоявшим рядом с ним офицерам.

– Проверьте все вокруг. Каждый сантиметр. У меня должна быть полная картина боя. Кто где стоял, кто откуда стрелял. Абсолютно полная. Мне нужно знать, где был каждый из наших офицеров, каждый из нападавших террористов.

Он повернулся и пошел к своей машине. Мисин испуганно смотрел ему вслед. Абрамов догнал Борисова уже у машины.

– Что вы собираетесь делать, полковник?

– Узнать, куда делся наш офицер. Если он действительно предатель, мы обязаны это знать. Чтобы понять, с кем именно мы имеем дело.

– Да, – согласился Абрамов, – это правильно. Мы можем чем-то помочь?

– Если раньше нас найдете террористов, – сказал на прощание Борисов. Уже сидя в своем автомобиле, он закрыл глаза, словно видел гибель горящего вертолета. У полковника Борисова брат погиб в Афганистане. Он был офицером и летал на вертолете. Услышав сейчас весть о гибели группы спецназа, Борисов понял, что отныне поиск террористов становится и его лич-

ным делом. И он сделает все, чтобы найти этих подонков, так умело спланировавших гибель стольких молодых парней.

Москва. 11 часов 02 минуты

Когда командир спецназа сообщил о погибшем вертолете, в кабинете наступило молчание. Колесов мрачно стучал карандашом по столу, словно это могло отвлечь его от мрачных мыслей. Семенов вытирал потный лоб и что-то тихо говорил – очевидно, ругался. Масликов встал и подошел к окну, словно ему не хватало воздуха. Даже обычно невозмутимый Лебедев нахмурился и смотрел на Лодынина. Постепенно все присутствующие повернулись к Лодынину, словно это был единственный человек, который мог их спасти.

– Что будем делать? – спросил Колесов. Этими словами он признавал свое поражение. И признавал очевидное превосходство начальника ГРУ.

– Сначала нужно доложить министру, – твердо сказал Лодынин, – а уж затем решать, как быть дальше.

Колесов помрачнел. Он только несколько минут назад докладывал министру обороны, что все будет в порядке. Он поднял трубку, позвонил дежурному в приемную.

– Министр один?

– У него директор ФСБ и министр МВД, – доложил дежурный офицер.

– Генерала Квашова там нет? – спросил Колесов просто для того, чтобы как-то скрыть свое разочарование.

– Нет, – ответил офицер. Было ясно, что он улыбается. Колесов хотел что-то сказать, но передумал и положил трубку.

– Нас наверняка выдал этот исчезнувший офицер, – с горечью сказал Зароков, – он ведь знал про контейнер и установленный на нем маяк.

Масликов шумно задышал, не смея возражать. Гибель вертолета потрясла всех присутствующих. Теперь уже никто не сомневался в предательстве офицера. Колесов поднял трубку телефонного аппарата, связывающего его с министром.

– Да, – сказал довольный министр. Он ждал итогов операции.

– Товарищ министр обороны, – строго доложил Колесов, рапортуя точно по уставу, – докладываю вам о проведении операции по обнаружению контейнера с похищенными ампулами. Контейнер оказался пуст. Преступникам удалось нас перехитрить. – Он говорил, не щадя себя. Все-таки он был очень порядочный генерал. – Наши потери – один вертолет спецназа со всеми людьми. Еще трое ранены. Очевидно, про контейнер террористам рассказал наш офицер.

Министр молчал. В его кабинете на него смотрели министр МВД и директор ФСБ. Только секунду назад он чувствовал себя вице-президентом страны. Сейчас он чувствовал, что остался совсем один.

– Я не снимаю с себя ответственности, – честно докладывал начальник Генерального штаба, – но считаю нужным доложить, что с этого момента полагаю возможным назначить руководителем всей операции с правом решающего голоса начальника Главного разведывательного управления Генштаба генерала Лодынина. Разумеется, мы все останемся здесь ему помогать. Он единственный среди нас был против этой операции.

– Согласен, – тихо сказал министр обороны. – Зайдите вместе с Лодыниным ко мне в кабинет. Прямо сейчас.

– Хорошо. – Колесов положил трубку и посмотрел на Лодынина. – Идемте к министру.

Министр смотрел на сидевших в его кабинете гостей. Директор ФСБ рассказывал какой-то смешной анекдот. Министр МВД смеялся над его шутками. Хозяин кабинета их даже не понял.

– Нам нужна будет ваша помощь, – вдруг сказал он. Смех в кабинете смолк.

– Что случилось? – быстро спросил директор ФСБ.

– Они похитили контейнер с биологическим оружием, – выдохнул министр обороны. «Будь что будет», – подумал он.

– Так, – нахмурился директор ФСБ, – и ты об этом молчал?

– Мы думали, своими силами...

– Своими силами... – Директор ФСБ встал и подошел к телефонам, даже не спрашивая разрешения у хозяина кабинета. – Знаем, как вы своими силами... Твой предшественник силами одного полка Грозный взять хотел. Ты теперь тоже решил показать нам свою силу.

Министр МВД сидел молча, осмысливая случившееся. Потом поинтересовался:

– Это действительно так серьезно?

В этот момент в кабинет вошли Колесов и Лодынин.

– Входите, – кивнул министр обороны. – Вот лучше отвечайте нашему гостю. Он спрашивает, это очень серьезно?

Вошедшие генералы прошли к столу, сели на стулья.

– Это самое совершенное биологическое оружие, – сказал Лодынин. – Если капсулы разобьются, погибнет не менее половины всего города. Я уже не говорю о международном скандале. По конвенции, подписанной нашей страной, мы обязаны были давно уничтожить эти виды биологического оружия. Американцы потребуют расследования. И мы не сможем ничего доказать. К тому времени эпидемия вполне может разрастись, приобретая характер мирового бедствия.

Министр МВД подпрыгнул на своем месте.

– И вы смели молчать! – закричал он. – Это ведь... это ведь... – Он не находил от возмущения слов. Директор ФСБ, держа трубку телефона в руках, покачал головой.

– Нужно задействовать все имеющиеся у нас возможности, – предложил он и спросил: – Террористы уже выдвинули какие-нибудь условия?

– Пока нет, – ответил Лодынин, – но этого нужно ждать с минуты на минуту.

Директор ФСБ что-то быстро говорил по телефону правительственной связи. Очевидно, он разговаривал со своим заместителем.

– И пришлите мне сюда Дмитриева, – приказал на прощание директор ФСБ, положив трубку. Лодынин знал генерала Дмитриева. Это был руководитель антитеррористического центра ФСБ. Министр МВД тоже пошел к телефонам.

– Я вызову специалистов из МУРа, – бормотал он, – лучших сотрудников.

– Ваши люди уже два часа занимаются этим вопросом, – мягко заметил Лодынин. – Нападение на нашу колонну совершили террористы, переодетые в форму офицеров милиции.

– Только этого не хватало, – разозлился министр внутренних дел.

– Товарищ министр обороны, – твердо сказал Лодынин, поднимаясь с места, – это не просто нападение на нашу воинскую колонну. Это чрезвычайное преступление. Если хотите, это не просто ЧП. Это вызов всей Москве, всей стране. Если из трех капсул будет разбита хотя бы одна, мы потеряем миллионы людей. Плюс тот самый международный скандал, когда выяснится, что мы разрабатывали этот тип оружия. Поэтому нельзя терять времени.

– Что вы предлагаете? – недовольно спросил министр обороны. Директор ФСБ стоял около него. С левой стороны, у телефонов, стоял министр внутренних дел. И все напряженно смотрели на Лодынина.

– Мы попытались засечь контейнер через наши спутники. Была задействована вся система противовоздушной обороны, – продолжал Лодынин, – но это дело нельзя выиграть техническим мастерством, каким бы совершенным оно ни было. Против нас действуют террористы с мозгами ученых и профессиональных военных. Нужно противопоставить их мозгам голову человека, который сумеет это все расследовать.

– Не говорите загадками, – разозлился министр обороны, – если у вас есть такой человек, вызывайте немедленно.

– Есть, – сказал Лодынин, – такой человек есть. Раньше он работал в нашей организации. Руководил нашим аналитическим центром. Уникальный аналитик. Но в последнее время он на пенсии. Хотя и живет здесь, в Москве.

– Я ничего не понимаю, – сказал министр обороны. – Кто живет здесь? Кто это такой? Как его имя?

– Его зовут Тенгиз Абуладзе. Он работал в системе Главного разведывательного управления более сорока лет. После развала СССР ушел в отставку.

– Почему я никогда о таком не слышал? – поинтересовался министр.

– Мы не любим рекламировать наших специалистов, – улыбнулся Лодынин.

– Я слышал о таком человеке, – вмешался директор ФСБ, – его считают одним из лучшим аналитиков в мире. В КГБ говорили, что если есть два человека с компьютерными мозгами, то один из них полковник Абуладзе. Говорили, что он может расследовать любое преступление в мире и найти виноватого.

– Так почему вы его не вызываете? – закричал министр обороны. Все смотрели на Лодынина. Тот замялся.

– Речь идет о национальной безопасности. А полковник уже давно на пенсии. Я считал своим долгом получить ваше разрешение.

– Он действительно такой выдающийся специалист? – спросил министр обороны у стоявшего рядом с ним директора ФСБ. Тот кивнул головой.

– Во всяком случае, один из лучших. В девяносто втором его приглашали к нам в контрразведку, но он отказался.

– Найдите его немедленно, – приказал министр обороны, – пошлите за ним человека. Нет, лучше наших дежурных офицеров. Надеюсь, сейчас он в Москве?

– Этого я не знаю, – сознался начальник ГРУ.

– Тогда ищите его, – приказал министр обороны, – пусть он приедет сюда и работает вместе с вами. Я выпишу ему специальный пропуск в министерство.

– Дурдом какой-то, – недовольным тоном сказал министр внутренних дел. – Что это такое? Какой-то бывший полковник военной разведки теперь будет учить всех нас, как нужно работать. Зачем он нам нужен? Есть ведь хорошие сыскари. Мы и сами справимся.

– Вы не поняли, – возразил Лодынин. – Он работал руководителем аналитического управления. Умеет просчитывать варианты. Я работал с ним много лет и могу гарантировать. За всю свою жизнь полковник Абуладзе не сделал ни одной ошибки. Ни единой. У этого человека абсолютная интуиция. Он гений в своем роде. Гений среди мировых аналитиков.

– Честное слово, мне стало интересно на него посмотреть, – ответил министр МВД. – Надо же. Такие характеристики. Кто он такой? Откуда он вообще появился?

– Он всегда работал на ГРУ, – пояснил Лодынин, – просто мы не рекламировали наших специалистов. В этом не было нужды.

В этот момент дверь в кабинет открылась и в приемную вошел генерал Квашов. Очевидно, сообщение, которое он хотел сделать, было не из разряда приятных. Он подошел к министру обороны и, наклонившись над его ухом, начал что-то шептать.

– Чего ты шепчешь? – разозлился министр. – Громко говори, пусть все слушают. Это нас всех касается.

– Пять минут назад, – сказал генерал Квашов уже обычным голосом, – к нам в приемную позвонили. Звонивший сказал, что хочет договориться по капсулам. Он обещал позвонить через пятнадцать минут.

В кабинете повисло очень напряженное молчание.

– Вот они и дали о себе знать, – первым очнулся министр обороны. – Идите, генерал Лодынин, и постарайтесь как можно быстрее найти вашего бывшего специалиста. Может, он действительно что-то умеет делать.

Москва. 11 часов 04 минуты

Услышав взрыв автомобиля, Седой удовлетворенно кивнул головой. Он был убежден, что эти ублюдки постараются открыть «дипломат» и неминуемо вызовут взрыв бомбы гораздо раньше намеченного времени. Теперь все пятеро вместе с Каримом уже на небесах и там дают показания небесному судье. Если Дима сделает все правильно, то оставшиеся трое в машине «Скорой помощи» должны встретиться со своими товарищами только в загробном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.